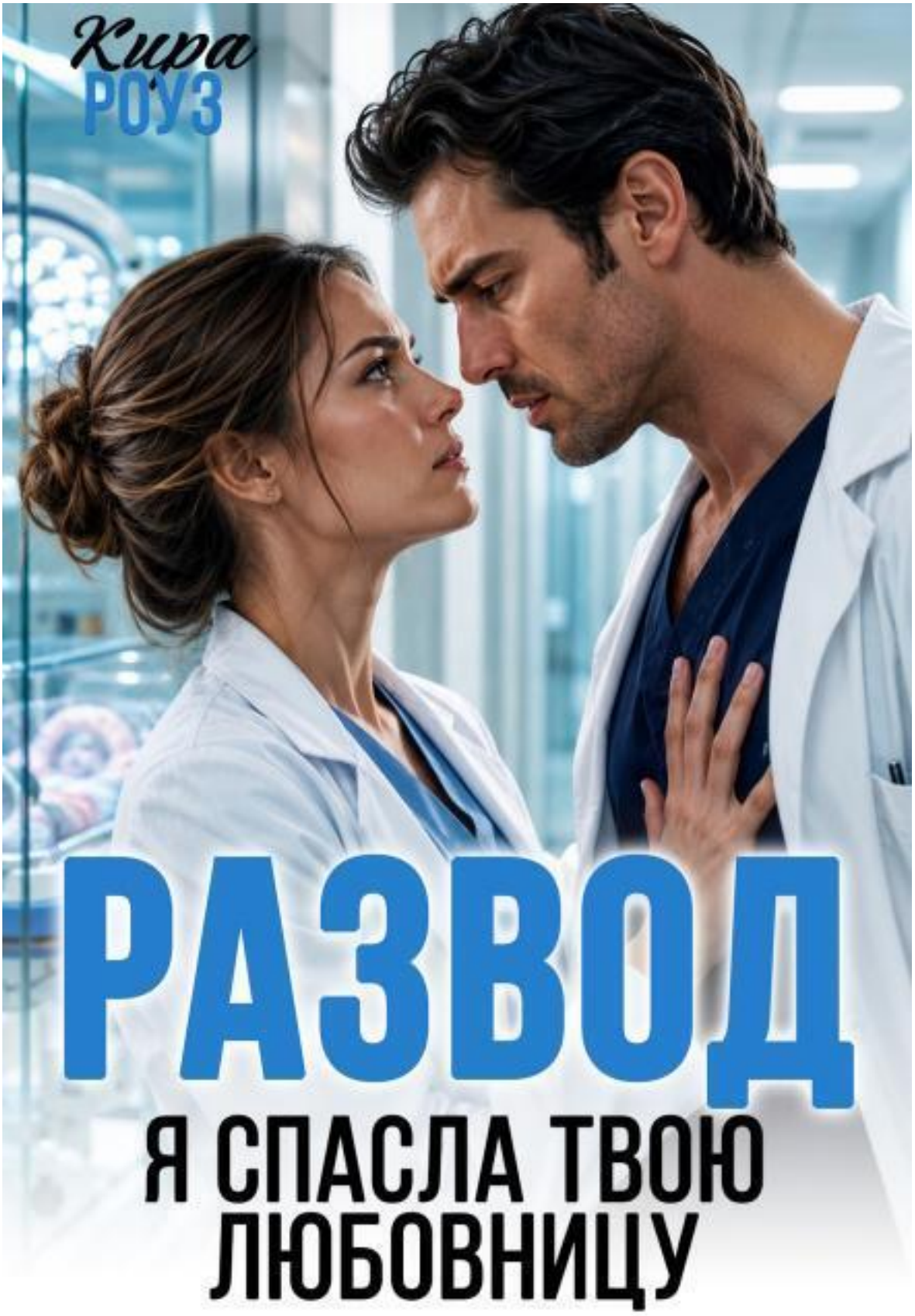

Кира
РОУЗ
РАЗВОД
Я СПАСЛА ТВОЮ
ЛЮБОВНИЦУ

Кира Роуз

Развод. Я спасла твою любовницу

«Литнет»
2026

Роуз К.

Развод. Я спасла твою любовницу / К. Роуз — «Литнет», 2026

Остро ⋆ Эмоционально ⋆ Драматично ⋆ ХЭ # — Спаси моего ребенка! — кричит муж, с силой сжимая мое запястье. На операционном столе женщина после аварии. Молоденькая пиарщица из его клиники... его любовница. Я вытащила их обеих. А потом узнала: девочка, которую я спасла, биологически моя. Это мой эмбрион, украденный из криохранилища клиники мужа.
Мой муж не просто растоптал мою жизнь и мою любовь, но и лишил меня ребенка.Теперь он подделывает документы и пытается сделать из меня безумную бывшую, угрожая тюрьмой, чтобы я не посмела пойти против него. Он думает, что может меня запугать. Вот только, свою дочь я ему не отдам. Даже если ради этого мне придется уничтожить всё, что ему дорого.В тексте есть: # властный бывший # борьба за дочь # медицинская драма # предательство # ХЭ для тех, кто заслуживаетКнига участвует в литмобе "Развод с врачом": НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1. Больше жизни 5
2. Не время для твоих сцен 8
3. Пустая 12
4. Пациент не найден 15
5. Ультиматум от предателя 19
6. Необъяснимая связь 22
7. Ответы на вопросы 26
8. Где мой второй ребенок? 28
9. Чужой страх 31
10. Запретная зона 33
11. Приговор в синей папке 36
12. Красный маркер 39
13. Последняя улика 42
14. Новые обстоятельства 44
15. Первая победа 47
16. Исход беременности 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

1. Больше жизни

— Давление восемьдесят на сорок, стремительно падает! — кричит на бегу фельдшер, на ходу вливая в вену пациентки физраствор. — Пульс нитевидный, выраженная тахикардия. Беременность двадцать восемь недель! Лобовое столкновение!

Легкие горят от бега, но внутри меня все мгновенно собирается в ледяной стержень.

Я больше не женщина, я врач.

Адреналин выжигает всё лишнее, оставляя только наработанные годами рефлексы.

Я пока не вижу лица пациентки — оно скрыто под массивной кислородной маской и коркой подсохшей крови из глубокого рассечения на лбу. Вижу только огромный, неестественно напряженный, каменный живот, выступающий под пропитанной багровым простыней.

— В первую операционную, живо! — командую я, мой голос звучит резко, отскакивая от стен. — Готовьте кровь для переливания! Алина, разворачивай набор для экстренного кесарева!

Свет хирургических ламп вспыхивает, ослепляя своей резкой, стерильной белизной. Писк кардиомонитора надрывается в паническом ритме.

В нос бьет густой, тяжелый запах железа.

Алина, моя старшая медсестра, быстрыми, отработанными движениями срезает с пациентки остатки изодранной одежды. Анестезиолог откидывает кислородную маску, чтобы подготовить интубацию.

Я протягиваю руку в перчатке.

Холодная сталь скальпеля привычно ложится в ладонь. Знакомая тяжесть. Привычная ответственность за две жизни.

Делаю шаг к столу.

Взгляд механически скользит по телу, оценивая повреждения, и вдруг цепляется за обнаженную ключицу.

Пальцы под латексом сводит острой судорогой.

Там, на бледной, перепачканной коже, покоится тонкая золотая цепочка с подвеской в виде полумесяца. В груди что-то срывается с крючка и с глухим ударом падает вниз.

Я слишком хорошо знаю эту подвеску. Марк выбирал ее при мне три месяца назад. «Для коллеги, подарок от отдела», — сказал он тогда, небрежно пряча бархатную коробочку в карман пиджака.

Выше золотого полумесяца — крошечная родинка.

Воздух застревает в горле колючим комом. Я заставляю себя поднять глаза выше на ее лицо.

Смазанная кровью косметика, растрепанные светлые волосы, до боли знакомые черты лица.

Да это же…

Лера Селезнёва.

Молодая, амбициозная пиарщица из клиники моего мужа. Та самая девочка с приятной улыбкой, о которой Марк всегда отзывался с теплой, почти отеческой снисходительностью: «Да она мне как младшая сестра, Ян. Сущий ребенок».

Мои пальцы мертвой хваткой впиваются в рукоять скальпеля.

Мониторы вокруг надрываются, но для меня в операционной повисает звенящая тишина. Я не слышу ничего, кроме глухого грохота собственной крови в ушах.

Лера.

Беременна.

Двадцать восемь недель.

Желудок скручивается в тугой, болезненный узел. Колени на мгновение становятся ватными.

В этот момент створки дверей операционной с треском распахиваются.

Этот звук заставляет меня вскинуть голову.

В стерильную зону, нарушая все мыслимые санитарные нормы, врывается мужчина. Без халата, без бахил, в помятом, перепачканном грязью дорогом костюме.

Марк, мой муж.

Его лицо серое, как больничная простыня. Глаза безумные, галстук сорван, воротник идеальной рубашки, которую я сама гладила ему утром, разорван. Он никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе выглядеть так… ужасно.

Он не замечает ни Алину, с застывшим в руках зажимом, ни анестезиолога и бросается прямо к операционному столу.

Его пальцы с силой врезаются в мое плечо, сминая стерильный халат. Боль от его хватки простреливает до самой шеи, но она ничто по сравнению с тем, что происходит дальше.

— Спаси её! — его голос срывается на жалкий хрип, отражаясь от кафельных стен. Он дергает меня на себя с такой силой, что я едва удерживаюсь на ногах. — Спаси ребёнка! Умоляю тебя, сделай всё!

Он задыхается, его грудь ходит ходуном, а глаза смотрят сквозь меня, прикованные к окровавленному лицу Леры.

— Это мой ребёнок! Мой!

Воздух в операционной мгновенно густеет, превращаясь в битое стекло. Каждый вдох режет легкие.

«Мой ребенок».

Скальпель в моей ладони вздрагивает.

Я смотрю на темные разводы уличной грязи, которые отпечатываются на белоснежном латексе моей перчатки.

Вся моя жизнь только что разлетелась вдребезги.

— Марк Эдуардович, вы с ума сошли?! — голос Алины звенит от шока и ярости.

Моя медсестра с силой отталкивает Марка плечом, буквально закрывая собой операционное поле.

— Охрана! — кричит Алина в приоткрытую дверь предоперационной. — Быстро в первую! Уберите отсюда мужчину, он срывает операцию!

Двое крепких санитаров влетают внутрь мгновенно. Они хватают Марка под руки, заламывая. Он сопротивляется, бьется в их хватке, как загнанный зверь, сбивая стойку с капельницей.

— Пустите! — хрипит он, упираясь ногами в кафель. — Там мой ребенок!

Его тащат спиной к выходу. Створки автоматических дверей уже начинают медленно съезжаться, как в эту щель до меня доносится его последний крик:

— Яна, умоляю, спаси его! Он мне дороже жизни!

Двери с глухим щелчком смыкаются.

Дороже жизни.

Мне плохо.

Я медленно стягиваю испорченную перчатку. Резина рвется с противным, влажным звуком.

Мои пальцы дрожат так мелко и часто, что я не сразу могу попасть в новую стерильную пару, которую уже сует мне Алина. Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, в которых плещется ужас и сочувствие, но я ничего не замечаю.

Я с трудом фокусируюсь и перевожу взгляд на лицо женщины на столе.

Перед глазами вспыхивают картинки: корпоратив клиники, Лера в обтягивающем платье, смеющаяся над шутками Марка.

Ей двадцать два, ему сорок. Разница почти в двадцать лет. Пока я убивала себя бесконечными гормонами и слезами над пустыми тестами, мой муж утешался с этой так называемой «младшей сестрой».

Они не просто спали. Они создали то, чего я так отчаянно жаждала все эти годы.

У них будет ребенок.

Горло сводит жестокой судорогой. Я с силой прикусываю внутреннюю сторону щеки, чувствуя на языке горячий вкус железа.

— Яна Андреевна… — голос анестезиолога звучит глухо, словно из-под толщи воды.

И вдруг ритмичный, панический писк кардиомонитора обрывается.

Вместо него операционную разрезает ровный, пронзительный звук. Линия сердцебиения на экране вытягивается в прямую струну.

— Яна Андреевна! — орет анестезиолог, бросаясь к дефибриллятору. — Мы ее теряем! Остановка сердца!

Я замираю над раскрытым животом. Под ярким, безжалостным светом хирургических ламп отчетливо видна каждая вена на бледной коже Леры.

Тиски сжимают ребра так, что невозможно сделать вдох.

Прямо сейчас, на этом холодном столе, балансируя на грани жизни и смерти, лежит женщина, из-за которой мой брак только что был нагло растоптан.

И я единственная, кто может спасти ту, кто увела у меня мужа.

2. Не время для твоих сцен

Непрерывный писк кардиомонитора безжалостно режет слух.

Этот звук действует как пощечина.

Оцепенение спадает, липкий, удушливый ужас отступает на задний план.

Сейчас я не обманутая жена, не женщина, чью жизнь только что втоптали в грязь.

Я — врач. И на моем столе умирает пациентка.

— Заряжай двести! — мой голос звучит резко, хлестко отражаясь от кафеля.

Алина не задает вопросов.

В ее глазах над медицинской маской плещется паника, но руки работают на автомате. Она бросается к дефибриллятору, щелкая тумблером.

Я срываю с груди Леры стерильную салфетку. Хватаю тяжелые «утюжки», чувствуя, как пластик скользит во вспотевших ладонях.

— Разряд!

Тело на столе судорожно выгибается дугой и со стуком падает обратно.

Я с силой стискиваю челюсти.

Прямо сейчас, своими собственными руками, я вырываю с того света ту, что спала с моим мужем. Женщину, носящую под сердцем ребенка, о котором я умоляла небеса столько лет.

Монитор молчит. Тишина давит на виски свинцовой тяжестью.

— Давай еще раз. Двести! — хриплю я, плотнее прижимая электроды к бледной коже. — Разряд!

Снова рывок тела. Секунда, вторая… И тишину прорезает первый, сбивчивый удар сердца. Писк монитора возвращается — частый, неровный, но живой.

— Есть ритм, — выдыхает анестезиолог.

— Скальпель, быстро, — чеканю я, не давая себе ни секунды на передышку.

Алина вкладывает стальную рукоять мне в ладонь.

Пальцы сжимаются до побеления костяшек, счет идет на секунды. Я делаю первый надрез, уверенный и точный, пробираясь сквозь ткани. Каждое движение выверено годами практики, пока внутри меня расходится ледяная пустота.

Быстрее.

Еще быстрее.

Я осторожно, но быстро завожу руки внутрь. Пальцы нащупывают крошечное тельце. Аккуратно извлекаю ребенка на свет ослепительных ламп.

Дыхание замирает.

Девочка.

Она крошечная, пугающе хрупкая, а ее кожа отливает синюшным цветом спелой сливы. Она обмякла в моих руках, словно сломанная кукла, и самое страшное — она молчит.

Холод сковывает мой позвоночник.

Я открываю рот, чтобы отдать команду Алине готовить реанимационный стол, но периферическим зрением улавливаю странное темно пятно сбоку.

Из операционной раны Леры толчками бьет кровь и заливает простыни.

Профузное кровотечение.

Я замираю, разрываемая на части. В руках у меня бездыханная дочь моего мужа. На столе — истекающая кровью женщина.

Если я начну реанимировать младенца, Лера умрет от потери крови за пару минут. Если брошусь зажимать сосуды — ребенок не сделает свой первый вдох.

Кровь стучит в висках набатом.

Алина испуганно всхлипывает, ее руки с зажимами дрожат.

И в эту долю секунды, сквозь хаос и панику, рядом со мной вырастает высокая фигура.

Спокойные, невероятно уверенные руки в перчатках властно перехватывают крошечное тельце из моих окоченевших пальцев.

Я вскидываю голову и натыкаюсь на тяжелый, пронзительный взгляд.

Дежурный неонатолог Северцев.

В отличие от бьющегося в истерике Марка, от него веет абсолютным спокойствием.

— Я держу ребенка, Руднева, — его голос звучит низко, ровно, без капли суеты, роняет он. — Займись матерью.

Всего одно движение, всего одна фраза, но я чувствую себя так, будто с моих плеч только что сняли невыносимый груз.

Я резко киваю, мгновенно возвращаясь к столу.

— Зажимы, Алина! Спид-глу, окситоцин внутривенно, живо! — командую я, отчаянно борясь за ускользающую жизнь Леры. Позади меня, у реанимационного столика, слышатся короткие, четкие команды Северцева.

…Спустя сорок минут я выхожу в коридор.

Ноги налиты свинцом, мышцы спины горят огнем от напряжения. Мой стерильный халат на груди и животе безнадежно испорчен бурыми пятнами.

Я стягиваю хирургическую шапочку, позволяя влажным волосам упасть на плечи, и сдергиваю маску, жадно глотая прохладный больничный воздух.

Марк меряет шагами коридор. При виде меня он резко останавливается и бросается навстречу.

Я инстинктивно делаю шаг назад, чувствуя, как позвоночник превращается в стальную струну.

Он не смотрит мне в глаза, даже не замечает мое напряженное лицо. Его взгляд лихорадочно скользит по окровавленному халату.

— Где они? — судорожно выпаливает он, вторгаясь в мое личное пространство. Ни «как ты», ни «что случилось», только «где они».

Воздух между нами становится плотным, как стекло.

Я смотрю прямо в глаза человеку, которого любила больше жизни.

Внутри больше нет боли, только ледяное, выжженное пепелище.

— Поздравляю, — холодно роняю я. — Я достала из твоей любовницы твою дочь.

Марк болезненно морщится, словно я только что сморозила несусветную глупость.

— Прекрати, — бросает он ровным, ледяным тоном, от которого мороз дерет по коже. Он делает нетерпеливый жест рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. — Сейчас вообще не время для твоих сцен, Яна.

Мои челюсти смыкаются так крепко, что зубы скрипят. Сцен?

— У Леры была остановка сердца. Ребенок в реанимации, — мой голос звучит глухо.

— Тем более! — обрывает он, делая шаг ко мне. Его глаза сужаются, в них плещется холодный расчет. — Ей нужен лучший уход. И ты должна его обеспечить. Приставь к ней круглосуточный пост.

Воздух выбивает из легких, как от удара под дых.

Он даже не просит, он требует.

Ему плевать, что мои пальцы до сих пор трясутся после того, как я держала в руках его внебрачного ребенка, его волнует только их комфорт.

Двери оперблока за моей спиной с тихим шипением разъезжаются. В коридор выходит Алина. Моя медсестра замирает на полушаге, ее взгляд мечется от моего серого лица к перекошенному лицу Марка.

— Яна Андреевна… — Алина делает шаг вперед, буквально вклиниваясь между мной и Марком. Ее плечи напряжены, а в руках она с такой силой сжимает планшет с листами назначений, что пластик жалобно трещит. — Вам нужно сесть. Вы на ногах не стоите.

Марк удостаивает ее лишь высокомерным взглядом, как пустое место.

— Я иду к главврачу, — цедит он мне в лицо. — Если с Лерой или… с ребенком что-то случится…

Не договорив, он разворачивается на каблуках и стремительно шагает прочь по коридору. Я смотрю в его широкую спину и чувствую, как внутри осыпаются последние обломки моей десятилетней семейной жизни.

— Мразь, — едва слышно, одними губами выдыхает Алина. Она осторожно касается моего локтя. — Идемте. Я заварю вам чай. Вам нужно заполнить протокол, иначе придерутся.

Я механически переставляю ноги.

Один шаг. Второй. Коридор сливается в сплошную белую полосу.

В ординаторской тихо.

Гудит старый холодильник в углу, за окном вечер.

Я опускаюсь на стул, тяжело роняя руки на столешницу. В висках стучит кровь. Я просто хочу закрыть глаза и проснуться в своей старой жизни, где мой муж заваривает мне кофе по утрам и целует в макушку.

На стол передо мной с мягким стуком ложится стопка бумаг.

— Я принесла ее документы, — голос Алины звучит неестественно тихо. Она отводит глаза, нервно поправляя шапочку. — Из сумочки достали, санитары передали. Для оформления протокола экстренного вмешательства нужна обменная карта.

Я медленно моргаю, фокусируя взгляд на столе.

Моя рука тянется к ручке. Я подвигаю к себе плотную книжицу формата А5.

Пальцы замирают в миллиметре от глянцевой обложки.

В груди резко становится холодно.

На плотном картоне красуется тисненый золотом логотип: стилизованная линия пульса и силуэт матери с младенцем. Это логотип элитной клиники репродуктологии. Той самой клиники, лицом которой является Марк. Той самой, куда я годами ходила как на работу, сдавая литры крови и глотая горсти гормонов.

Он вел ее беременность прямо у меня под носом. В тех же кабинетах, где когда-то держал меня за руку и обещал, что у нас все получится.

Дыхание со свистом вырывается сквозь сжатые губы.

Я открываю карту.

Идеальные анализы, регулярные УЗИ и в самом низу первой страницы, в графе «Лечащий врач», знакомый, размашистый росчерк мужа.

Я переворачиваю лист, переходя к данным о плоде. Ручка в моей ладони мелко дрожит, царапая кончиком бумагу.

В графе, где обычно пишут пол или ставят прочерк до самого рождения, заполнены две строки.

Я смотрю на эти буквы, и комната вокруг меня начинает медленно вращаться.

В графе «Фамилия» выведено: Руднева.

Но мой взгляд намертво прикипает к следующей строчке. К графе «Имя».

Пальцы разжимаются, пластиковая ручка со стуком падает на стол.

«У нас будет девочка, Ян. Я чувствую это. Мы назовем ее Ева. Наша маленькая Ева. Она будет такой же красивой, как ты».

Голос Марка из прошлого звучит в голове так ясно, словно он стоит прямо за моей спиной.

Пять лет назад.

В тот день, когда нам сообщили, что наши последние эмбрионы погибли из-за сбоя в криохранилище.

Я опускаю глаза на карту любовницы моего мужа.

В графе «Имя» синими, ровными чернилами выведено: Ева.

***

 # Дорогие читатели! #

Не забывайте *ставить лайк (мне нравится), добавлять книгу в библиотеку и подписываться на меня*, чтобы не пропустить продолжение этой истории, мои новые книги, подборки, важные объявления и новости:

https://litnet.com/shrt/n4zt

Если вам понравилась книга, пожалуйста *оставьте комментарий*- мне будет очень приятно

Спасибо вам!

 # С любовью, Кира! #

3. Пустая

Буквы расплываются, теряют четкие очертания.

В ушах нарастает тонкий, противный звон. Я с силой зажмуриваюсь, впиваясь ногтями в ладони до боли, надеясь, что когда открою глаза — этот морок исчезнет.

Но синие чернила никуда не деваются.

— Яна Андреевна… — голос Алины пробивается сквозь ватный гул.

Ее теплая ладонь ложится мне на вздрагивающее плечо.

Я поднимаю голову. Алина стоит рядом, с тревогой вглядываясь в мое лицо. В ее руках пустой электрический чайник.

— Тут воды нет, кулер пустой, — она кивает на пластиковый бутыль в углу ординаторской. — Я сбегаю на второй пост за кипятком. А вы сидите. Слышите? Просто дышите. Я мигом.

Она не ждет ответа. Осторожно сжимает мое плечо напоследок и выскальзывает в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Я остаюсь одна.

Тишина давит на барабанные перепонки. Пальцы сами собой тянутся к листам обменной карты.

Мой мозг, привыкший анализировать анамнезы, сейчас механически, с пугающей ясностью складывает детали пазла, который я в упор не замечала.

В этот момент дверь ординаторской не просто открывается — она с силой впечатывается в стену.

От неожиданности я буквально подпрыгиваю на месте.

На пороге стоит Марк.

Его тяжелый взгляд мгновенно цепляется за плотную книжицу в моих руках. На долю секунды его лицо каменеет, а затем искажается дикой яростью.

Он пересекает комнату в два широких шага. Я даже не успеваю встать.

Его рука вырывается вперед. Он грубо, с силой выдергивает обменную карту Леры из моих онемевших пальцев.

— Какого черта ты роешься в ее вещах?! — его голос вибрирует от бешенства. Он прижимает карту к груди, словно защищая свою новую семью от грязных рук чужого человека.

Внутри меня бушует самый настоящий ураган, но я не плачу. Все слезы остались где-то в операционной, вместе с последними кромахи моей любви к этому человеку.

Я медленно поднимаюсь со стула, мы стоим лицом к лицу.

— А ты хорошо подготовился, Марк, — мой голос звучит чуждо. Ровно, холодно, без единой дрожи. — ВИП-палата на третьем этаже, оплаченная месяц назад. Договор с частным неонатальным центром. Идеальное ведение беременности в твоей клинике.

Я делаю шаг к нему не отводя взгляда.

— Ева. Ты даже фамилию и имя ей уже дал. Имя, Марк. То самое.

Его ноздри раздуваются. Я жду, что он отведет взгляд. Жду, что на дне его зрачков мелькнет хоть капля вины за то, что он растоптал наш брак, нашу общую трагедию.

Но Марк не отступает.Напротив, его губы кривятся в жесткой усмешке.

— Да, — чеканит он, глядя на меня сверху вниз. — Все так. Лера беременна и мы выбрали ей имя Ева.

Он надвигается на меня, вынуждая меня отшатнуться, пока поясница не впечатывается в край стола.

— А чего ты ожидала? — еего взгляд скользит по моему перепачканному кровью хирургическому костюму, по растрепанным волосам, и в нем сквозит откровенное, неприкрытое отторжение. — Наш брак давно умер, Яна. Посмотри на себя.

Он брезгливо кривится.

— Ты пустая.

Эти два слова вспарывают грудную клетку.

— После той аварии в крио ты просто умерла, — безжалостно продолжает Марк, — А я живой мужчина! В тот момент когда оказалось, что ты не можешь иметь детей, ты перестала быть женщиной.

Комната вокруг меня начинает опасно крениться. Горло сжимает невидимая рука, перекрывая дыхание.

— А Лера дала мне жизнь, — его голос звучит торжествующе, и это добивает страшнее любого ножа. — Лера дала мне Еву. То, чего ты так и не смогла мне дать.

Пол уходит из-под ног, внутренности скручивает ледяным спазмом.

Я открываю рот, пытаясь сделать вдох, пытаясь сказать хоть слово, но из горла вырывается только сдавленный хрип.

Он взял нашу общую боль, нашу общую потерю — тех нерожденных малышей, которых мы оплакивали вместе, — и превратил в мое личное клеймо.

В оправдание своей грязи.

Я цепляюсь пальцами за край стола так, что пальцы сводит болью.

Мне нечем дышать.

Марк нависает надо мной, его тень закрывает свет больничных ламп. Я физически ощущаю его ярость, его желание растоптать меня окончательно, чтобы оправдать собственную измену.

Я хочу ему ответить, но я слишком разбита… я просто не могу ему сопротивляться.

И в этот момент…

— Марк Эдуардович.

Ровный, глубокий и холодный голос.

Он раздается от дверей так неожиданно, что Марк вздрагивает, резко оборачиваясь. Я судорожно втягиваю ртом воздух и поднимаю голову.

В дверном проеме стоит Северцев.

Он просто стоит, засунув руки в карманы медицинских брюк, но его широкая фигура полностью перекрывает выход. От него веет такой несокрушимой уверенностью, что вся эта вязкая атмосфера в ординаторской мгновенно рассеивается.

— Чего вам? — шипит Марк, его лицо идет красными пятнами от того, что его прервали. — Выйдите вон, это личный разговор!

Северцев даже не меняется в лице.

Он делает медленный шаг внутрь.

— Ваша дочь находится на ИВЛ, — чеканит Даниил, глядя прямо в перекошенное лицо моего мужа. — Параметры нестабильны, ее жизнь висит на волоске, а вы тратите время на истерики в ординаторской.

Марк открывает рот, чтобы огрызнуться, но Северцев не дает ему вставить ни слова.

— Если вам плевать на ребёнка, — его голос становится угрожающим, — убирайтесь отсюда и не мешайте врачам.

Марк сжимает кулаки, меряя Северцева бешеным взглядом. Но одно дело — самоутверждаться за счет обессиленной, разбитой жены, и совсем другое — бросаться на равного себе по силе мужчину.

Тем более, врача, от которого сейчас зависит жизнь его ребенка.

Марк шумно выдыхает сквозь зубы. Бросает на меня последний уничтожающий взгляд и, задев Даниила плечом, стремительно вылетает в коридор.

Ноги окончательно перестают меня держать.

Я оседаю на стул, обхватывая себя руками за плечи.

Меня бьет крупная, неудержимая дрожь.

Северцев молча подходит к столу, берет чистый пластиковый стаканчик, откупоривает бутылку с водой и наливает до краев.

Он не задает идиотских вопросов типа «ты в порядке?», не лезет с неуместным сочувствием.

Он просто ставит стакан передо мной так, чтобы его пальцы не коснулись моих.

— Пей, Руднева, — негромко приказывает он.

Я послушно обхватываю холодный пластик обеими руками, чтобы не расплескать, и делаю два жадных глотка. Вода проталкивает тяжелый ком в горле.

Даниил опирается бедром о край соседнего стола, скрещивая руки на груди. Его внимательный взгляд задерживается на моем лице.

— Вокруг этой девочки, — произносит он вдруг тихо, — слишком много людей, которые думают о чём угодно, только не о ее жизни.

***

В умывальнике при ординаторской мигает тусклая лампа.

Я включаю кран на полную мощность. Ледяная вода с гулом бьет по фаянсу раковины. Я подставляю под струю трясущиеся руки, ожесточенно смывая с кожи въевшийся запах антисептиков.

Намыливаю пальцы снова и снова, тру их друг о друга, пока кожа не начинает гореть.

Затем набираю полные ладони воды и плещу себе в лицо.

Один раз. Второй. Капли стекают по подбородку за воротник, холодят ключицы.

Опираюсь мокрыми руками о края раковины и поднимаю взгляд.

Из зеркала на меня смотрит незнакомая женщина с серым, осунувшимся лицом, с залегшими под глазами тенями, с прилипшими к щекам прядями волос.

Преданная, растоптанная и… пустая, как сказал Марк.

Короткая, резкая вибрация нарушает тишину.

Мой мобильный, оставленный на стеклянной полочке под зеркалом, показывает, что от кого-то пришло сообщение.

Номер отправителя скрыт. Только короткий текст и прикрепленное изображение.

Хм, странно, что это? Спам?

Фотография загружается секунду, и на экране появляется нечеткий снимок медицинского документа. Я прищуриваюсь, автоматически выхватывая профессиональным взглядом столбцы цифр, печати и… номер протокола ЭКО.

Мое сердце пропускает удар.

А затем пускается в бешеный галоп, пробивая ребра.

Я перевожу взгляд на текст под фотографией и чувствую как внутри меня все покрывается инеем.

В сообщении написано: «Это не ребёнок Леры. Яна, проверьте номер ЭКО-протокола из её карты».

4. Пациент не найден

Я моргаю.

Раз. Другой.

Нет. Это бред.

Чья-то больная шутка. Троллинг.

Кто-то из клиники, кто завидовал Марку или ненавидел меня, решил добить.

Я судорожно мотаю головой, пытаясь отогнать от себя эти навязчивые мысли, но ноги сами срываются с места.

Я вылетаю из туалета в коридор, едва не срывая дверь с петель. Больничный линолеум скользит под подошвами сабо.

Влетаю в ординаторскую ровно в тот момент, когда туда заходит Алина. В ее руках дымится кружка с заваренным чаем, от которого пахнет дешевым бергамотом.

— Яна Андреевна? — Алина вздрагивает, едва не расплескав кипяток. Ее глаза округляются. — Вы белее мела! Да что с вами? Сядьте немедленно!

Она бросается ко мне, пытаясь подхватить под локоть, но я даже не замечаю ее рук. Проскальзываю мимо и хватаю обменную карту Леры.

Лихорадочно пролистываю общие анализы крови, коагулограмму, скрининги.

— Яна Андреевна, вы меня пугаете! — голос Алины звенит от паники. Она ставит кружку на край стола, вода выплескивается на дерево. — Вызвать дежурного? Дать успокоительное?

— Тихо, Алина. Просто… тихо, — хриплю я, не отрывая взгляда от страниц.

Раздел репродуктолога.

Мой взгляд впивается в строчки, заполненные знакомым, размашистым почерком мужа.

«Беременность наступила в результате криопереноса размороженного эмбриона…»

А дальше — короткая строчка. Номер ЭКО-протокола.

ПР-8402-М.

Цифры бьют по глазам яркой вспышкой.

Желудок делает кульбит и подкатывает к самому горлу.

Эти цифры… Я знаю их потому что я вписывала эту комбинацию в сотни анкет, бланков и согласий пять долгих лет назад.

Одной рукой я продолжаю сжимать карту Леры, а другой судорожно разблокирую свой телефон.

Открываю облачное хранилище.

Поиск. Набираю «ЭКО», «Протокол», «Выписка».

Пальцы мажут по экрану, стирают, набирают снова.

Алина стоит рядом, тяжело дыша, и заглядывает мне через плечо. Она не произносит ни слова, но я чувствую, как напряжение от меня передается ей.

Экран телефона выдает результаты поиска. Старые PDF-файлы пятилетней давности. Я открываю первый скан. Приближаю шапку документа, растягивая изображение пальцами.

Под ярким светом больничных ламп я свожу две руки вместе. В левой — экран моего телефона, в правой — карта любовницы моего мужа.

Мой протокол: ПР-8402.

Протокол Леры: ПР-8402-М.

Буква «М».

Разморозка.

Это… мой эмбрион.

Воздух с громким свистом покидает легкие.

Колени подгибаются, и я тяжело оседаю на стул, чудом не рухнув на пол. Карта выпадает из рук, шлепаясь на столешницу.

— Боже мой… — одними губами выдыхает Алина над моим ухом. Она видит оба номера. Как медик, она мгновенно складывает два и два. Ее рука инстинктивно зажимает рот. — Этого не может быть… Яна Андреевна… Он не мог…

Мог. Еще как мог.

Ледяной озноб прошивает позвоночник.

Я отшвыриваю телефон и бросаюсь к рабочему компьютеру. Мышка дергается в моей ладони, курсор лихорадочно бегает по монитору.

Я открываю браузер, вбиваю внутренний адрес базы данных клиники репродуктологии. У меня есть к нему доступ.

Страница входа.

Пальцы стучат по клавиатуре, вбивая мой логин и пароль.

Я должна увидеть электронную карту! Должна увидеть акт об утилизации погибших эмбрионов!

Я должна найти доказательства!

Нажимаю «Enter».

На экране крутится синее колесико загрузки.

Секунда. Две. Три.

Каждая тянется как вечность.

Алина позади меня вцепляется в спинку моего стула так, что тот скрипит.

Экран моргает, но вместо привычного интерфейса базы данных выдает серую плашку с красным крестом.

«Доступ закрыт. Ваша учетная запись удалена или деактивирована администратором».

Я замираю.

Сглатываю колючий ком.

Курсор перемещается в общий поиск по базе пациентов.

Вбиваю свою фамилию. Имя. Дату рождения.

Моя личная медицинская карта, история моих пункций, наркозов, стимуляций — все это должно храниться в архиве десятки лет.

«Пациент не найден».

Пустота.

Марк вычистил эту базу данных так же, как вычистил меня из своей жизни.

Я с силой отталкиваюсь от стола. Компьютерное кресло на колесиках отлетает назад, с грохотом врезаясь в металлический стеллаж.

Алина вздрагивает всем телом. Она бросается наперерез, преграждая мне путь к двери. Ее пальцы с силой вцепляются в мои предплечья.

— Яна Андреевна, не надо! — шепчет она, заглядывая мне в лицо воспаленными от недосыпа глазами. В ее голосе звенят слезы. — Пожалуйста! Вы сейчас на эмоциях, вы наломаете дров. Пусть сначала все уляжется…

Я медленно, но непреклонно разжимаю ее пальцы, сбрасывая с себя ее руки.

— Заблокируй компьютер, Алина, — мой голос звучит так ровно и глухо, словно принадлежит чужому человеку.

Я выхожу из ординаторской.

Шаг. Еще шаг. Больничный линолеум пружинит под ногами. В груди пусто, внутри самый настоящий лед.

Я нахожу Марка в конце коридора, возле автомата с кофе. Он стоит спиной ко мне, ослабив узел галстука, и раздраженно барабанит пальцами по пластиковому корпусу аппарата.

Муж, которого я знала десять лет. Врач с безупречной репутацией. Вор.

— Почему мой доступ к архиву клиники заблокирован?

Марк вздрагивает и медленно оборачивается. На его лице на секунду мелькает напряжение, но он тут же натягивает привычную маску равнодушия.

— Яна, ты в своем уме? — он трет переносицу, всем своим видом показывая, как я его утомляю. — Ты после тяжелой операции. Иди лучше проспись.

Я делаю шаг к нему, сокращая дистанцию.

— Где моя личная медицинская карта, Марк? Почему она исчезла из электронной системы?

Он отводит взгляд, берт стаканчик и делает глоток.

— Сервера обновляли полгода назад, — бросает он с показным равнодушием. — Старые архивы перенесли в холодное хранилище. За давностью лет.

— За давностью лет? — я усмехаюсь, — Истории ЭКО-протоколов хранятся десятилетиями. Моя учетная запись удалена. А номер моего «погибшего» протокола удивительным образом совпадает с тем, что вписан в обменную карту твоей любовницы!

Воздух между нами мгновенно густеет.

Маска слетает с лица Марка. Черты заостряются, глаза темнеют, превращаясь в две черные, бездонные дыры.

Он делает резкий выпад вперед. Его рука мертвой хваткой смыкается на моем локте, пальцы впиваются в кожу через тонкую ткань халата, причиняя острую боль.

— Какого черта ты копаешься в базах?! — шипит он, обдавая мое лицо горячим дыханием.

В его голосе больше нет усталости. Только чистая, неприкрытая злоба загнанного в угол зверя.

— Тебе мало того, что ты устроила в ординаторской?

Я пытаюсь вырвать руку, но он держит намертво.

— Отвечай на вопрос! — чеканю я, глядя ему прямо в глаза. Мой подбородок вздернут. Я не уступлю ему ни миллиметра. — Что ты сделал с моими эмбрионами?!

— Заткнись! — рычит он, стискивая мой локоть.

Он нависает надо мной, подавляя своим ростом, своей физической силой.

— Смирись с реальностью, Яна. Ты не можешь иметь детей и точка. Просто забудь об этом.

— И не подумаю! — сужаю я в ответ глаза.

Он резко наклоняется к моему лицу и рычит мне:

— Я предупредил тебя, Яна! Не лезь туда или пожалеешь!

После чего, Марк с силой отталкивает меня. Меня больно впечатывает в прохладную стену.

Марк брезгливо одергивает свой помятый пиджак, разворачивается и тяжелым шагом уходит прочь.

***

За окнами занимается серый, мутный рассвет.

Я стою перед тяжелой белой дверью Палаты Интенсивной Терапии. В руках металлический планшет с листами назначений. Края планшета впиваются в ладони, оставляя на коже красные вмятины.

Я обязана провести утренний обход и зайти туда, проверить швы женщины, чью жизнь я спасла этой ночью.

Проверить любовницу моего мужа.

А потому, сделав над собой усилие, толкаю дверь.

Она поддается совершенно бесшумно, приоткрываясь на несколько сантиметров.

Я заношу ногу, чтобы переступить порог, но замираю.

Из палаты доносится тихий истеричный плач.

Я прижимаюсь плечом к косяку, сливаясь с тенью. В узкую щель мне видна часть больничной койки.

Лера уже пришла в себя. Ее бледное лицо мокрое от слез, пересохшие губы трясутся. Рядом с койкой сидит Марк. Он держит ее руку в своих ладонях. Так бережно, так нежно, как никогда не держал мою.

— Марк… — хрипит Лера, судорожно глотая воздух. Ее глаза широко распахнуты, в них плещется дикая паника. — Она же видела мою карту…

— Тише, все в порядке, — воркует Марк, поглаживая ее по спутанным светлым волосам. — Тебе нельзя волноваться.

Лера мотает головой по подушке.

— Ты не понимаешь! — ее шепот срывается на сиплый писк, — Марк, если она узнает про эмбрион… мой отец нас уничтожит!

5. Ультиматум от предателя

Я резко отшатываюсь от двери палаты, словно меня ударило током. Обеими руками зажимаю рот, до боли впиваясь зубами в собственные пальцы, чтобы из горла не вырвался истошный крик.

Перед глазами вспыхивают короткие, рваные кадры из прошлого.

Холодный гель на животе.

Острая, тянущая боль от длинной иглы во время пункции фолликулов.

Мои слезы на подушке.

Голос Марка в телефонной трубке — такой скорбный, такой участливый: «Яна, мне так жаль… ничего не получилось».

И мои долгие недели абсолютной пустоты, когда я лежала лицом к стене, не желая жить.

Я разворачиваюсь и бегу. Влетаю в ординаторскую, хватаю сумку, затем бросаюсь в раздевалку.

Я буквально срываю, сдираю с себя хирургический костюм, швыряю одежду в корзину для отходов, натягиваю джинсы и свитер.

Мне нужно домой. Срочно.

На верхнюю полку шкафа в моей комнате, где лежит старая картонная коробка с моими медицинскими выписками. Мне нужно добраться до нее раньше, чем Марк поймет, что я всё знаю, и уничтожит последние улики.

Дорога до квартиры выпадает из памяти. Помню только как влетаю в прихожую, тяжело дыша и бросаю ключи на тумбочку.

В квартире стоит звенящая утренняя тишина.

Я бросаюсь к комнате, но не успеваю сделать и трех шагов, как за спиной щелкает замок.

Кровь отливает от лица, я медленно оборачиваюсь.

На пороге стоит Марк.

Мои ногти до боли впиваются в ладони.

Контраст между нами в эту секунду настолько чудовищен, что у меня перехватывает дыхание. Я выгляжу как выжатый лимон: серый цвет лица, безумный взгляд, растрепанные волосы, под глазами залегли черные тени после бессонной ночи в операционной.

А мой муж… на нем свежая рубашка, новый пиджак. Он смотрит на меня не как на жену, а как на досадную помеху в его идеальном расписании.

Марк молча проходит в гостиную, ставит на стеклянный стол свой кожаный портфель, щелкает замками и достает плотную папку. Бросает ее на столешницу.

Папка скользит по стеклу и останавливается прямо передо мной.

— Садись, Яна, — его тон абсолютно ровный, деловой. Ни капли раскаяния. Ни тени вины.

Я опускаю взгляд.

На первом же листе написано: «Соглашение о разделе имущества супругов». Я переворачиваю страницу одеревенелыми пальцами. Под ней лежит еще один документ. «Договор о неразглашении (NDA)».

В груди лопается последняя струна.

Тошнота подкатывает к самому горлу, но я заставляю себя вскинуть голову и посмотреть прямо в его пустые циничные глаза.

— Ты принес мне документы развод? — мой голос срывается, становится низким, хриплым.

Марк опирается костяшками пальцев о стол, слегка нависая надо мной.

— Я принес тебе шанс уйти с деньгами и сохранить свою драгоценную медицинскую лицензию, Яна, — чеканит он, и в его голосе проступает неприкрытая сталь. — Подписываешь отказ от всех претензий, обещаешь не устраивать истерик в больнице и судах и не лезть ни ко мне, ни к Лере. И я, так и быть, оставлю тебе эту квартиру.

Я задыхаюсь.

— А если нет? — шепчу я, чувствуя, как внутри меня вместо боли и отчаяния начинает подниматься черная, первобытная ярость.

Марк усмехается.

— Начнешь копать под нас и я уничтожу твою карьеру. — он произносит это медленно, смакуя каждое слово. — Я подключу такие связи, Яна, что тебя ни в одну частную клинику не возьмут. Тебя даже санитаркой в районную поликлинику не пустят. Ты потеряешь всё.

Он выпрямляется, застегивая пуговицу на пиджаке, показывая, что разговор окончен.

— У тебя есть сутки на то, чтобы поставить подпись.

Он разворачивается и идет к выходу.

Грохот входной двери эхом отскакивает от стен пустой квартиры.

Я стою над стеклянным столом, тяжело опираясь на него обеими руками. Под моими пальцами белеет соглашение о раздели имущества и тот самый циничный договор о неразглашении.

Марк не просто изменил мне. Он загнал меня в ловушку.

Колени предательски подгибаются, я оседаю прямо на пол, прижимаясь спиной к холодной ножке дивана.

В голове с бешеной скоростью вращается карусель из обрывков фраз, взглядов, угроз.

«Если она узнает про эмбрион, отец нас уничтожит!»

Шепот Леры, полный животного ужаса, снова прошивает мозг.

Отец.

Я замираю, глядя в пустоту. Кто такой этот Селезнев?

Марк всегда бросал вскользь: «девочка из пиар-отдела», «чья-то там родственница, попросили пристроить».

Я ни разу не вдавалась в подробности, кто оплачивает ее брендовые сумки и почему Марк носится с ней как с хрустальной вазой.

Но почему Лера так панически боится собственного отца? И почему Марк — циничный, уверенный в своей безнаказанности вдруг так активно бросается заметать следы, угрожая мне расправой?

Я тянусь к телефону, открываю поисковик.

Вбиваю дрожащими пальцами: «Лера Селезнева отец». Экран выдает десятки однофамильцев, ссылки на соцсети, обрывки старых статей. Никакой конкретики. Никаких громких имен или должностей, которые можно было бы с ходу привязать к этой девчонке.

Чтобы раскопать информацию, мне нужно время. А его то у меня как раз и нет.

Я отбрасываю телефон и резко поднимаюсь.

Иду в комнату, подставляю стул к высокому стеллажу. Встаю на цыпочки, дотягиваясь до самой верхней полки, и стаскиваю оттуда тяжелую, пыльную картонную коробку. Ту самую, в которую пять лет назад я скинула все свои документы, которые остались у меня на руках еще до того, как Марк вычистил электронную базу клиники.

Господи, какой же слепой и доверчивой идиоткой я была!

Почему, будучи врачом, я ни разу не усомнилась? Почему не затребовала независимую экспертизу?

Ответ до тошноты прост: потому что Марк был моим лечащим врачом-репродуктологом и я ему доверяла как мужу. А как иначе? Утром он целовал меня в макушку и варил кофе, а днем контролировал результаты УЗИ.

Я вытаскиваю первую стопку бумаг.

Перед глазами всплывает тот проклятый вечер. Марк пришел домой чернее тучи, сел передо мной на корточки, взял мои руки в свои и сказал, что в криохранилище произошла авария. Сбой в подаче электричества.

Но главное, что за несколько дней до «аварии» он принес мне выписки с печатями, тяжело вздыхая: «Яна, они очень слабые. Огромная фрагментация клеток. Качество оставляет желать лучшего. Даже если мы их перенесем, шансов на имплантацию почти нет».

Он убедил меня в том, что мой организм сломан, что мои яйцеклетки ни на что не годны.

Он заставил меня ненавидеть собственное тело.

Мои руки начинают трястись так сильно, что я не могу удержать стопку. Толстая пластиковая папка выскальзывает из ослабевших пальцев.

Замок расходится, и стопка листов веером разлетается по полу.

Я тянусь, чтобы сгрести их обратно, и вдруг замираю.

На обратной стороне обычного согласия на пункцию, у самого края, что-то есть. Маленький, глянцевый квадратик термобумаги.

Я осторожно подцепляю лист за уголок и подношу к глазам.

Это внутренний лабораторный стикер. Маршрутный лист эмбриолога. Такие бумажки никогда не покидают пределов стерильного бокса — их наклеивают на пробирки и карты пациентов внутри лаборатории.

Видимо, Марк сгребал документы со своего стола, и этот крошечный стикер случайно прилип к обратной стороне моего бланка.

Обычный пациент увидел бы здесь только набор цифр и штрих-код. Но я — врач. Я умею читать эти шифры.

Зрачки сужаются, выхватывая черный, смазанный шрифт.

«Криоконсервация. Соломина №4. Количество: 2 шт.»

Я сглатываю вязкую слюну. Взгляд скользит на строчку ниже.

«Класс: 5АА».

Воздух выбивает из легких так резко, словно меня ударили под дых.

5АА.

Это высший балл.

Идеальные, сильные, безупречные эмбрионы. Никакого «плохого качества».

Мои дети были совершенны.

Этот урод врал мне в глаза!

6. Необъяснимая связь

Два идеальных эмбриона. Высший балл.

Никакой фрагментации, о которой так скорбно врал мне Марк.

Воздух в комнате внезапно становится плотным, как кисель, легкие горят от удушья, в ушах стоит густой, низкий гул, сквозь который пробиваются тысячи вопросов.

Зачем?! Зачем ему нужно было лгать мне про качество клеток?

Мой взгляд лихорадочно мечется по разбросанным бумагам.

Марк выстроил вокруг меня декорации, заставив поверить в собственную неполноценность. Он вел мой протокол, он назначал стимуляции и делал пункцию — он был моим лечащим репродуктологом.

Но он не работал в лаборатории.

Пальцы, сведенные судорогой, впиваются в ковер. Клетки оплодотворял и растил в инкубаторах другой человек. Эмбриолог.

Я отшвыриваю папку и на четвереньках бросаюсь к телефону.

Нина Петровна. Заведующая лабораторией эмбриологии в клинике Марка. Тихая, незаметная женщина в очках с толстыми стеклами, которая лично забирала мои пробирки.

Я лихорадочно листаю телефонную книгу, наконец нахожу нужный контакт и нажимаю «Вызов».

Гудки тянутся мучительно долго. Каждый отзывается в висках ударом молота.

— Алло? — голос на том конце звучит хрипло и сонно.

— Нина Петровна. Это Яна Руднева.

На том конце провода слышится шорох — видимо, она резко садится в постели.

— Яна Андреевна? Господи, что-то случилось? Который час…

— Я нашла маршрутный лист криоконсервации, — чеканю я. Мой голос звенит, как натянутая до предела струна. — Их было два. И они были качества 5АА.

То, что происходит дальше, красноречивее любых признаний.

На том конце повисает мертвая тишина.

Слышно лишь, как Нина Петровна судорожно, со свистом втягивает воздух. Ни вопросов «о чем вы?», ни возмущений «вы ошиблись».

Только чистая паника человека, которого поймали за руку.

— Нина Петровна, — обманчиво тихо продолжаю я, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. — Что вы с ними сделали? Кому их отдали?

Короткие гудки.

Она просто бросает трубку.

Я рычу сквозь стиснутые зубы и нажимаю кнопку вызова снова.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Меня трясет. Я замахиваюсь, чтобы в бешенстве швырнуть мобильный в стену, но экран вдруг вспыхивает ярким светом.

Сообщение от Нины Петровны.

Я впиваюсь глазами в смску. Буквы пляшут перед затуманенным взором, отказываясь складываться в понятные слова.

«Яна Андреевна, простите. Не могу говорить. Я пришлю вам кое-что позже.»

Да что здесь творится то?!

Я не успеваю даже толком переварить ее сообщение, как телефон в моей руке снова разрывается.

Даниил.

Нервным движением смахиваю зеленую кнопку.

— Да?!

— Руднева, ты где?! — хриплый Северцева бьет прям по оголенным нервам. — Срочно в реанимацию!

На фоне я слышу истеричный писк мониторов и топот ног.

— что случилось? — тут же подбираюсь я.

— У девочки резко падает сатурация, подозрение на скрытое внутреннее кровотечение!

Слова Даниила прошивают меня насквозь.

В этот момент все остальное просто пропадает. Внутри словно щелкает тумблер. Во мне снова просыпается врач.

— Буду через десять минут, — бросаю я.

Я вскакиваю с пола, даже не взглянув на разбросанные вокруг бумажки и оставленные на столе в гостиной документы на развод.

Хватаю с тумбочки ключи от машины и вылетаю в подъезд. Сейчас имеет значение только одно: крошечное тельце в кувезе, которое я должна спасти.

***

Я влетаю в ПИТ, на ходу натягивая стерильный халат поверх свитера.

В нос бьет резкий запах кварца и антисептиков. Под сводами палаты надрывается тревожный, высокий писк мониторов.

Даниил Северцев стоит над открытым кювезом. Руки в тонких перчатках мелькают над крошечным тельцем с пугающей скоростью.

— Сатурация падает! Восемьдесят... Семьдесят пять! — кричит медсестра, не отрывая взгляда от экрана.

— Руднева! — рявкает Северцев, даже не поворачивая головы в мою сторону. — Что было в матке?! Мне нужна картина! Откуда падение гемоглобина, если внешних повреждений у ребенка нет?!

Я подлетаю к инкубатору, вставая напротив него. Мой мозг, еще секунду назад парализованный страхом и мыслями о Марке, мгновенно переключается в режим хирургической четкости. Взгляд сканирует синеватую кожу младенца, показания на экранах, тонкие трубочки.

— Была краевая отслойка плаценты! — четко, без запинки выдаю я, опираясь руками о край пластикового бокса. — Я видела ретроплацентарную гематому, когда делала разрез. Около ста пятидесяти миллилитров темной крови. Воды были окрашены!

В глазах Северцева я вижу понимает.

— Она наглоталась материнской крови при отслойке еще до того, как ты ее достала. Желудочный зонд, быстро! — командует он сестре. — Будем промывать. Готовьте викасол и свежезамороженную плазму, мы теряем факторы свертывания!

Следующие несколько минут сливаются в один сплошной, пульсирующий адреналиновый сгусток. Я стою рядом, перехватываю шприцы, помогаю фиксировать крошечные ручки, пока Даниил ювелирно вводит препараты. Мы работаем в одном ритме, понимая друг друга даже не с полуслова — с одного взгляда.

Пик... Пик... Пик...

Частый, панический ритм монитора медленно, неуверенно начинает выравниваться.

Цифры сатурации ползут вверх.

Восемьдесят пять. Девяносто. Девяносто пять.

Синева на крошечном личике постепенно сменяется бледностью.

Северцев тяжело выдыхает, стягивая маску на подбородок. На его лбу блестят капли пота. Он отступает на полшага, уступая место медсестре.

А я… я остаюсь стоять.

Адреналин схлынул, оставляя после себя звенящую пустоту.

Мой взгляд прикипает к девочке, лежащей на подогреваемом матрасике. Она такая крошечная, что может целиком поместиться на мужской ладони. На ее голове — прозрачная шапочка с трубками, грудная клетка часто-часто вздымается.

И вдруг, сквозь сон и действие препаратов, ее правая ручка слабо дергается. Тонкие, почти прозрачные пальчики с крошечными ноготками медленно сжимаются в кулачок.

В этот момент мир вокруг меня перестает существовать.

Я не осознаю, что делаю.

Моя рука сама собой тянется вперед, и я прижимаю раскрытую ладонь к прозрачному пластику инкубатора, прямо напротив ее сжатого кулачка.

Внезапно низ живота скручивает острой тянущей болью — такой сильной, что у меня перехватывает дыхание. Колени мгновенно слабеют. В груди, где-то глубоко внутри, расходится странное, болезненное покалывание.

Меня накрывает такая первобытная, животная волна нежности, что на глаза наворачиваются горячие, обжигающие слезы.

Я чувствую как мои плечи мелко вздрагивают. Я глотаю ртом воздух, не в силах оторвать взгляд от ее лица.

— Что случилось, Руднева?

Глубокий, тихий голос раздается совсем рядом.

Я даже не заметила, как Даниил подошел вплотную.

Он стоит так близко, что я чувствую тепло, исходящее от его тела. Он не смотрит на мониторы — только на меня. Его темные, проницательные глаза скользят по моему лицу, подмечая каждую деталь: и побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в край кювеза, и трясущиеся губы, и слезы, которые я не могу сдержать.

Он видит то, в чем я сама боюсь себе признаться. Он замечает то, чего мой собственный муж в упор не видел годами.

— Почему ты так на нее смотришь? — Северцев спрашивает это так бережно, словно боится спугнуть.

У меня нет слов. Я даже не до конца понимаю, что именно со мной сейчас происходит.

Это невозможно объяснить языком логики или медицины.

Я просто до боли прикусываю внутреннюю сторону щеки и отчаянно мотаю головой, смаргивая пелену слез.

В коридоре отделения прохладно и тихо.

Я сижу на жесткой пластиковой кушетке, привалившись затылком к прохладной стене. Глаза закрыты, общее ощущение такое, будто меня переехал бульдозер.

Рядом раздаются тихие шаги.

Я приоткрываю глаза и вижу Даниила. Он протягивает мне бумажный стаканчик, от которого поднимается густой пар. Запах крепкого черного кофе мгновенно пробивается сквозь больничную хлорку.

— Держи. Тебе нужно, — коротко бросает он. Никаких лишних расспросов. Никакого давления. Только своевременная, мужская забота, от которой в горле снова встает ком.

Я беру стаканчик, обхватывая его ледяными пальцами.

— Спасибо...

И в этот момент в кармане моих джинсов раздается короткая, резкая вибрация.

Телефон.

Я вздрагиваю, едва не расплескав горячий кофе на колени. Быстро ставлю стаканчик на кушетку и достаю мобильный.

Сообщение от Нины Петровны.

Я провожу пальцем по экрану, открывая чат. Никакого текста. Только одно прикрепленное изображение.

Я нажимаю на фотографию.

Она загружается секунду, и на экране появляется нечеткий, явно сделанный в спешке снимок разворота старой тетради с пожелтевшими страницами.

Журнал учета криохранилища, который заполняется от руки и хранится в сейфе лаборатории.

Я раздвигаю изображение двумя пальцами, приближая строчки.

Вторая колонка сверху.

«Руднева Я. А.»

Третья колонка.«ПР-8402»

Номер того самого протокола.

Взгляд скользит вправо, к последнему столбцу, озаглавленному «Причина списания биоматериала». Пять лет назад Марк уверял меня, что там стоит штамп об утилизации из-за разморозки при аварии.

Но там нет слова «утилизировано».

Вместо этого синей шариковой ручкой, с нажимом, выведено:

«Разморозка и перенос.»

7. Ответы на вопросы

«Разморозка и перенос».

Эти три слова на мутном экране телефона выжигают остатки кислорода в моих легких. Палец сам, на чистых рефлексах, снова жмет на иконку вызова Нины Петровны. Динамик сухо отчеканивает заученную фразу о недоступности абонента. Она сбросила фото и снова выключила телефон.

Я вскидываю голову.

Даниил все еще стоит неподалеку, внимательно наблюдая за мной. В его глазах немой вопрос, но сейчас я не могу ничего объяснять. Слова просто застрянут в горле.

— Даниил, — мой голос звучит хрипло, надтреснуто. Я сжимаю телефон так, что пластик корпуса скрипит. — Мне нужно двадцать минут. Пожалуйста. Присмотри за… за ней.

Северцев не спрашивает «куда» или «зачем». Он видит мое белое, как мел, лицо, коротко кивает и разворачивается обратно к стеклянным дверям реанимации.

А я срываюсь с места.

Отделение репродуктологии и эмбриологии находится недалеко. Я бегу по длинным, стерильно-белым коридорам, и с каждым шагом на меня обрушиваются воспоминания.

Запах специфического антисептика, холодный свет ламп, счастливые девушки в коридорах.

Пять лет назад я ходила по этим же коридорам, прижимая руки к животу.

Линолеум сменяется кафелем.

Я сворачиваю к служебной лестнице, ведущей прямо к закрытому блоку лаборатории, и резко торможу.

Дверь на лестничную клетку приоткрыта. Оттуда торопливо, воровато оглядываясь, выходит Нина Петровна. На ней накинут уличный плащ поверх формы, в руках она судорожно сжимает сумку.

— Нина Петровна! — чеканю я, выступая из тени.

Женщина вздрагивает так сильно, что роняет ключи

Ее лицо под толстыми стеклами очков мгновенно становится серым.

Она бросается к лифтам, но я двигаюсь быстрее. Перехватываю ее за локоть и жестко толкаю обратно, в пустое пространство лестничного пролета.

Тяжелая противопожарная дверь с лязгом захлопывается, отрезая нас от отделения.

— Яна Андреевна, пустите! Вы с ума сошли?! — она пытается вырваться, но я прижимаю ее к холодным перилам.

— Что здесь происходит?! — мой голос, усиленный эхом, звучит страшно, — Почему мне пять лет вешали лапшу на уши про аварию в криокапсуле? Рассказывайте мне все!

— Мне нечего вам больше сказать! — Нина Петровна отворачивается, закрывая лицо дрожащими руками. — Я и так прислала вам журнал! Отпустите, если Марк Эдуардович узнает…

— Марк Эдуардович?! — ярость затапливает меня с головой. Я хватаю ее за плечи и заставляю посмотреть мне в глаза. Мне мерзко от того, что я делаю, но материнский инстинкт прямо сейчас выжигает во мне любую интеллигентность. — Нина Петровна. Вы понимаете, что речь идет о хищении биологического материала и подделки медицинской документации? Это уголовная статья, по которой вы рискуете пойти как соучастница, если я прямо сейчас поеду в прокуратуру. А я именно так и сделаю, если не получу ответов на свои вопросы.

Нина Петровна обмякает в моих руках. Ее плечи опускаются, по щекам текут слезы.

— Не было никакой аварии, — выдыхает она.

Мои пальцы сами собой разжимаются. Я отступаю на шаг.

— Марк Эдуардович сам отключил питание на одном из резервуаров, — шепчет она, содрогаясь от слез. — Пожертвовал биоматериалом нескольких случайных пациентов, чтобы создать алиби. Был скандал, клиника выплачивала компенсации… Но вашего контейнера там не было! Он заранее перепрятал ваши эмбрионы в закрытый блок, доступ от которого было у одного только Марка.

В горле снова появляется удушливый ком.

— А когда я это заметила… — Нина Петровна всхлипывает, стискивая ремешок своей сумки. — Он пригрозил мне, что уволит по статье так, что я даже дворником не устроюсь. И я… мне пришлось подписать эти фальшивые акты об утилизации. Простите меня…

Вместе с ее словами вдребезги разлетается вся моя прошлая жизнь, моя вина за собственное «бракованное» тело, мои слезы, моя верность человеку, который не просто изменил мне, а хладнокровно, покончил с чужими детьми, чтобы выкрасть моих.

Но сквозь этот ледяной ужас внутри меня вдруг начинает разгораться решительное пламя.

Девочка в кювезе. Крошечные пальчики, синеватая кожа, необъяснимая боль внизу живота, когда я приложила руку к пластику.

Она не плод грязной измены моего мужа с малолетней пиарщицей.

Она — моя плоть и кровь.

Моя дочь. Та самая Ева, о которой я молилась ночами все эти пять лет.

И она жива. Я сама, своими руками привела ее в этот мир!

Внезапно тишину лестничного пролета разрезает резкая трель.

Телефон в кармане плаща Нины разрывается. Она судорожно достает его. Я вижу на экране имя: «Марк Эдуардович».

Нина Петровна бледнеет.

— Извините, мне надо бежать… — она в панике пятится к выходу. — Если я не отвечу, он что-то заподозрит…

— Подождите! — я делаю шаг за ней, чувствуя, как кровь стучит в висках. В голове бьется одна, самая важная мысль. — Лера… родила только одну девочку. Выходит, мой второй эмбрион всё еще в этой вашей секретной ячейке?! Я заберу его! Я прямо сегодня подам в суд на изъятие!

Нина замирает.

Она медленно оборачивается.

Экран ее телефона продолжает истерично мигать, освещая ее лицо в полумраке лестницы. И то, что я вижу в ее глазах заставляет меня замереть.

Во взгляде Нины Петровны жуткая смесь пронзительной жалости и ледяного ужаса.

— Яна Андреевна… — она медленно качает головой. — В том-то и дело. Был не один перенос. Вашего второго эмбриона тоже нет в хранилище.

8. Где мой второй ребенок?

Слова Нины Петровны бьют наотмашь.

Я стою на холодном лестничном пролете, вцепившись побелевшими пальцами в металлические перила, и чувствую, как пол уходит из-под ног.

В голове бьется куча вопросов. Где второй? Кому его отдали? Продали? Пересадили? Если да, то когда это произошло?!

Я вскидываю безумный взгляд на Нину Петровку, но та лишь вжимает голову в плечи.

— Я не знаю… я правда ничего больше не знаю… — отчаянно мотает головой она, моментально понимая что я хочу у нее спросить.

Ясно.

Похоже, что все ответы есть только у одного человека.

Я срываюсь с места и направляюсь в кабинет Марка. Лечу по административному крылу клиники, игнорируя ошарашенные взгляды персонала. Все это ничто по сравнению со сгустком слепящей ярости, который прямо сейчас клокочет у меня внутри.

Я влетаю в приемную главврача.

— Яна Андреевна! Вы куда?! — подскакивает со своего места секретарь Оксана, роняя на пол какие-то папки. — Нельзя! У Марка Эдуардовича важная встреча с юристами!

Я даже не смотрю в ее сторону.

Просто отталкиваю ее руку, тянущуюся к моему плечу, наваливаюсь всем телом на массивную дубовую дверь и с силой распахиваю ее настежь.

Дверь с оглушительным треском впечатывается в деревянную панель стены.

Марк сидит во главе длинного полированного стола. Напротив него — двое мужчин в строгих костюмах, перед ними разложены документы.

При звуке удара все трое резко вскидывают головы.

Контраст между нами режет глаза. Мой муж — идеальный, лощеный, в костюме с иголочки. И я — в мятом свитере, с растрепанными волосами, бледная, с диким взглядом после бессонной ночи и самого страшного открытия в своей жизни.

Я делаю три быстрых шага, пересекая кабинет.

Останавливаюсь у самого края полированного стола и со всей силы, до боли в костяшках, бью по нему сжатыми кулаками.

— Где мой второй эмбрион?! — мой голос срывается от ненависти к этому мерзавцу. — Кому ты подсадил моего второго ребенка, мразь?! Отвечай!

Мужчины в костюмах замирают, их глаза округляются от шока. Они переводят ошарашенные взгляды с меня на Марка.

Любой другой мужчина на месте моего мужа запаниковал бы, но только не Марк.

В долю секунды его лицо меняется. Исчезает раздражение, исчезает холодный расчет. На глазах у изумленных свидетелей он надевает маску бесконечно терпеливого мужа.

— Оксана, — мягко, но властно бросает он секретарше, застывшей в дверях. — Все в порядке, закрой дверь.

Дверь за моей спиной с тихим щелчком захлопывается.

Марк медленно поднимается из-за стола, обходит его и приближается ко мне с ровным мягким шагом — так подходят к человеку, стоящему на краю карниза.

— Тише, Яночка, тише, — его голос сочится патокой, он поднимает руки, ладонями вперед.

— Не смей ко мне прикасаться! — шиплю я, отшатываясь.

Но он быстрее. Марк делает резкий выпад, перехватывает мои трясущиеся запястья и с силой сжимает их в своих горячих ладонях.

— Господа, прошу прощения, — Марк поворачивает голову к юристам, — Моя жена... она вторые сутки на ногах. У нее тяжелейший нервный срыв. Сегодня ночью она оперировала сложную пациентку, и стресс оказался слишком велик. Переутомление дало осложнения на психику.

— Отпусти меня! Что ты несешь?! — я дергаюсь, пытаясь вырвать руки, но его пальцы впиваются в мою кожу как стальные тиски.

— Тише, родная, я здесь, я с тобой, — продолжает ворковать Марк, глядя на меня с тошнотворной жалостью. — Я понимаю, тебе до сих пор мерещатся наши погибшие дети. Я понимаю, как тебе больно, Яна, но ты должна вернуться в реальность...

Мой желудок скручивается от отвращения.

Он прямо сейчас, на глазах кучи свидетелей лепит из меня сумасшедшую истеричку.

— Реальность в том, что ты подстроил аварию и украл их! — кричу я, задыхаясь от бессилия и ярости. — Ты подсадил мою дочь Лере! И я хочу знать что ты сделал со вторым ребенком!

— Конечно-конечно, милая, — Марк резким движением притягивает меня к себе.

Со стороны это выглядит как жест отчаяния любящего мужа, который пытается обнять и успокоить бьющуюся в истерике жену. Вот только, его пальцы на моей спине смыкаются так жестко, что перехватывает дыхание. Губы Марка оказываются у самого моего уха.

— Заткнись, — кидает он шепотом, чтобы никто не слышал его кроме меня, — Ты не понимаешь, с чем связалась, идиотка.

Я замираю, парализованная его словами.

— Откроешь рот про второй эмбрион, — чеканит Марк, пока его рука "утешающе" гладит меня по затылку, — и я прямо сегодня упеку тебя в дурку с диагнозом "острый психоз". Тебя так там обколют, что ты собственное имя забудешь. И ты вообще ничего не докажешь. Поняла меня?

Марк ждет, что я сломаюсь. Что я, как послушная, забитая жена, разрыдаюсь на его плече, но вместо этого я чувствую как вне внутри меня заполняет обжигающий лед.

Я чуть поворачиваю голову, чтобы мои губы оказались у самого его уха.

— Нина прислала мне фотографию книги криохранилища, Марк, — шепчу я так же тихо, — Там всё написано твоей рукой. А теперь подумай… что сделает с тобой тот самый Селезнёв, когда я положу ему на стол доказательства того, что ты подсунул его драгоценной дочери ворованный биоматериал?

Я блефую. Пока я даже не представляю почему Марк и Лера так боятся ее отца, но Марк об этом даже не представляет. И, что самое восхитительное, мой блеф попадает точно в цель.

Тело Марка каменеет. На какую-то долю секунды его сердце под моим ухом пропускает удар, а затем срывается в бешеный галоп.

Маска «скорбящего мужа» трещит по швам.

Он резко отшвыривает меня от себя. Я отлетаю назад, едва удерживая равновесие, чтобы не упасть, и больно ударяюсь плечом о дверной косяк.

— Пошла вон! — орет Марк, теряя остатки человеческого лица. Его лицо идет красными пятнами, вены на шее вздуваются. Он указывает трясущимся пальцем на дверь, наплевав на ошарашенных юристов. — Вон отсюда! Ты больная, неадекватная стерва!

— Единственный кто здесь больной, так это ты. И лечение тебе уже не поможет, — отвечаю я, и, расправив плечи, молча выхожу в коридор.

Воздух снаружи кажется густым. Я делаю глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках, и иду по коридору в сторону реанимации.

Но чем дальше я иду, тем отчетливее понимаю: что-то не так.

Административное крыло сменяется клиническим. Медсестры, санитарки, врачи — люди, с которыми я работала бок о бок годами, — замолкают при моем появлении. Они расступаются, словно я прокаженная, отводят глаза.

А за моей спиной тут же доносится торопливый шепот.

— Говорят, Руднева совсем тронулась умом…

— Представляешь, оперировала любовницу мужа, а теперь ходит по отделению и всем кричит, что у нее украли ребенка…

— Бедная. Окончательно крыша поехала…

Вот сволочи!

Не знаю Марк это постарался, его секретарша или кто-то еще, но они сработали на опережение. Пройдет всего десять минут и о моем “сумасшествии” будет известно всем. Вот только, я не дам им повода порадоваться.

Пусть смотрят, пусть шепчутся, я только вскидываю подбородок и чувствую крепнущую с каждым шагом уверенность в своих силах. Я все смогу, я докажу что это мой ребенок и найду второго. А Марк утрется и пожалеет, что вздумал со мной играть.

Вдруг путь мне преграждает высокая фигура.

Заведующий отделением, Аркадий Борисович. Седой, грузный мужчина, который всегда здоровался со мной за руку. Сейчас он держит дистанцию, а в его глазах видна та же снисходительная жалость, с которой смотрел на меня в своем кабинете.

— Яна Андреевна, — он мягко перекрывает мне дорогу к лифтам. — Послушайте меня. Вам нужно поехать домой.

— Аркадий Борисович, у меня смена не закончена, и в реанимации тяжелый ребенок после моей операции, — ровно чеканю я.

— Марк Эдуардович сообщил нам о вашем… срыве, — он понижает голос, словно боится, что я сейчас брошусь на него с кулаками. — Мы все люди, Яна. Узнать о связи мужа с другой женщиной — это страшный удар. На почве личной драмы бывает всякое. Но клиника не место для скандалов.

— Вы хотите отстранить меня от работы? — спрашиваю я прямо.

Аркадий Борисович поджимает губы и по одному только этому жесту я понимаю, что попала в точку.

9. Чужой страх

В груди разрастается черная дыра. Меня только что выставили сумасшедшей, а теперь еще и хотят лишить работы.

Мне хочется высказать все, что я о нем думаю. О нем, о Марке, о персонале, который вместо работы с радостью подхватывает и мусолит сплетни, но я вовремя сдерживаюсь. Делаю ровный вдох и смотрю завотделению прямо в глаза — холодно, отстраненно и профессионально.

— Мой муж может сообщать всё, что сочтет нужным, Аркадий Борисович, — ровным голосом отвечаю я, — Но факты таковы: прямо сейчас я врач на своем посту. Мои пациенты в критическом состоянии. И пока моя смена не закончится, я пост не оставлю. Вы же профессионал. Давайте опираться на медицинский протокол, а не на непроверенные сплетни из непонятных источников. Нет, конечно, вы можете заставить меня пройти психиатрическое освидетельствование, но не мне вам рассказывать какими проблемами это чревато со стороны трудовой инспекции и прокуратуры. Так что предлагаю нам обоим вернуться к своим непосредственным обязанностям.

Аркадий Борисович тушуется.

Моя безупречная логика и адекватность сбивают его с толку. Он не находит, что ответить, и неуверенно отступает в сторону, освобождая мне дорогу.

Я с достоинством прохожу мимо, чувствуя, как шепотки за спиной захлебываются сами собой.

В этом океане враждебности находится только один человек, который не отводит взгляда.

Даниил.

И не потому что он еще ничего не слышал. Прямо сейчас он стоит у стеклянных дверей реанимации и по его глазам я понимаю, что он тоже уже в курсе этих грязных новостей.

Вот только в его глазах нет ни капли сомнения в моей адекватности.

Дверь в палату приоткрыта. У койки стоит дежурная медсестра, проверяя показания мониторов. Лера лежит на высоких подушках, бледная, слабая, с трубкой капельницы в вене.

Я делаю шаг через порог. Мне необходимо оценить кровопотерю и проверить, как сокращается матка после экстренного кесарева.

Но как только я захожу и Лера замечает меня, ее взгляд становится затравленным, испуганным и злым. Лера откидывается на подушки, поднимает руку, показывая на меня пальцем и закатывает истерику:

— Не подпускайте ее ко мне! — ее голос срывается на пронзительный визг, от которого закладывает уши. — Только не ее! Она хочет украсть моего ребенка!

Истеричный крик Леры тут же перекрывает оглушительный писк кардиомонитора над ее койкой.

Красные цифры на экране начинают бешено скакать. Верхнее давление взлетает до критической отметки, пульс переваливает за сто сорок ударов в минуту. Лицо Леры покрывается нездоровыми багровыми пятнами.

Медсестра замирает в ступоре с зажатым в руке планшетом.

А я делаю шаг вперед.

Во мне не осталось ни обиженной жены, ни обманутой женщины. Есть только пациент, чья жизнь снова висит на волоске из-за ее собственной истерики.

— Седативное, живо! — приказываю я медсестре. — Она сейчас порвет себе внутренние швы, и мы получим профузное кровотечение прямо в брюшную полость!

Я тянусь к стойке капельницы, чтобы перекрыть клапан.

Не знаю что там добивается Лера. Может, ждет, что я вцеплюсь ей в волосы, закричу, заплачу, и, тем самым лишний раз подтвержу статус ревнивой психопатки. Но я не собираюсь давать ей этого.

Медсестра отмирает, бросается к лотку со шприцами.

Лера видит иглу и то ли на панике, то ли из-за все той же истерики, с силой отталкивает руку медсестры. Пластиковый шприц со звоном отлетает в сторону.

Лера подается вперед и шипит мне прямо в лицо:

— Ты не смогла родить Марку ребенка, так хотя бы не трогай моего!

Свет в палате на долю секунды меркнет.

Перед глазами вспыхивают черные мушки. Физическая боль от этого удара настолько сильная, что у меня перехватывает дыхание, а ногти сами собой впиваются в ладони до крови.

Но я не отворачиваюсь.

Я смотрю прямо в ее расширенные зрачки и вдруг понимаю… понимаю причину ее истерики, всего этого цирка.

Это не ревность, как могло показаться вначале и даже не торжество победительницы. Это страх.

Лера боится меня до ужаса. Она прекрасно знает, чьего ребенка она носила под сердцем, знает что правда на моей стороне и теперь одна только мысль о том, что я могу забрать свое, приводит ее в состояние истеричного бешенства.

Это осознание возвращает мне силы.

И в этот момент Даниил заслоняет меня своей широкой спиной. Он нависает над ее кроватью и пугающе ровным тоном бросает ей всего несколько слов, от которых Лера давится воздухом:

— Закройте рот, Селезнева. Яна Андреевна всю ночь простояла за операционным столом и вытащила вашу дочь с того света. Еще одно слово в таком тоне, и я прикажу привязать вас к кровати ремнями по медицинским показаниям. А палату закрою для любых посещений. Вы меня поняли?

Лера замирает с открытым ртом. Она явно не привыкла, чтобы с ней разговаривали в таком тоне.

И именно в этот момент в палату врывается Марк.

Взмыленный, с перекошенным лицом, он мгновенно считывает ситуацию: заплаканная, прижатая к подушкам Лера, нависающий над ней мрачный Северцев и я, стоящая рядом.

Не трудно догадаться какие выводы он для себя делает.

— Отошли от нее оба! — рычит Марк, закрывая любовницу своей широкой спиной.

Он физически вклинивается между нами и с силой отталкивает меня в сторону. Я отлетаю назад, больно ударяясь лопатками о металлический край соседнего пустого кювеза.

10. Запретная зона

Удар настолько сильный, что у меня перехватывает дыхание.

Острый край соседнего, к счастью пустого, кювеза безжалостно впивается мне между лопаток. Боль простреливает вдоль позвоночника, вспыхивая перед глазами россыпью белых искр.

Я судорожно хватаю ртом воздух, чувствуя, как ноги на секунду слабеют, грозя подогнуться.

В метре от меня стоит мой муж.

Грудь Марка тяжело, рвано вздымается под дорогой рубашкой. Его ноздри раздуваются, лицо побагровело от приступа ярости.

Он делает еще один угрожающий шаг в мою сторону, сжимая руки в кулаки, но между нами моментально вырастает высокая фигура Даниила.

— Уберите руки от моего врача, — Северцев даже не повышает голос. Однако в этой обманчивом спокойствии столько ледяной угрозы, что Марк замирает, а его желваки на скулах бешено перекатываются под кожей.

И тут в дело вступает Лера.

Почувствовав заминку и заметив краем глаза столпившийся в дверях палаты персонал, она мгновенно меняет тактику. Испуганная любовница исчезает. На ее место приходит гениальная актриса.

Лера картинно, с надрывом всхлипывает, комкая на груди больничную простыню.

— Марк! — ее голос дрожит от мастерски сыгранного ужаса. — Она говорила, что заберет Еву! Она не в себе! Уберите ее отсюда, она ненормальная!

Слушая ее причитания, я понимаю, что прямо сейчас, на глазах у моих коллег и подчиненных они на пару создают себе железобетонное алиби и лепят из меня неадекватную, обезумевшую от ревности психопатку.

Им нужен мой срыв, мои слезы, попытки броситься на Леру с кулаками. Любое действие, которое позволит им легально вызвать охрану и навсегда вышвырнуть меня из клиники.

Внутри всё клокочет от жгучей несправедливости. Мне хочется кричать о том, что они украли моих детей, но я с такой силой стискиваю челюсти, что зубы ноют.

Я не издаю ни слова, я просто выпрямляю ушибленную спину, вскидываю подбородок и молча принимаю этот удар, глядя на них с ледяным презрением.

— Достаточно этой клоунады, — голос Даниила снова разрезает пространство, холодный и отрезвляющий, как скальпель.

Как старший по реанимации он использует против них только железобетонные факты.

— Пациентка Селезнева сорвала себе давление собственной неконтролируемой истерикой, — чеканит Северцев, глядя Марку прямо в глаза. — Яна Андреевна, как акушер-гинеколог, находилась здесь и действовала строго по медицинскому протоколу, предотвращая угрозу внутреннего кровотечения.

Даниил делает широкий, уверенный шаг вперед надвигаясь на Марка и заставляя того чувствовать себя неуютнл.

— А вот вы, Руднев, — металл в голосе Даниила становится почти осязаемым, — не имели никакого права входить в ПИТ без санитарной подготовки и тем более поднимать руку на лечащего врача при исполнении. Выйдите из реанимации немедленно, пока я не вызвал охрану и не оформил нападение на дежурную бригаду.

По красному напряженному лицу Марка я понимаю, что он осознает: физически продавить Северцева на его же территории не выйдет. А потому, он просто обходит его и, специально задев меня плечом, кидает мне:

— Вы еще пожалеете об этом… особенно ты, Яна.

Не смотря на все мои попытки держать себя в руках, эта последняя его угроза заставляет меня сделать глубокий вдох, шагнуть ему наперерез и сказать, глядя в глаза человека, с которым я столько лет спала в одной постели:

— Ты можешь выставить меня сумасшедшей перед всем персоналом, — мой голос звучит поразительно ровно, — Но ты не сможешь скрыть от меня правду. Я знаю всё. И я найду второго ребенка, Марк.

На какую-то долю секунды его зрачки сужаются от удивления. Он явно не знал, что я продвинулась настолько далеко.

Но вместо паники на его лице проступает ледяной, расчетливый цинизм. Марк отворачивается от меня и бросает жесткий взгляд на застывшую в дверях медсестру.

— Вызывайте службу безопасности. Немедленно, — чеканит он властным тоном, от которого у девчонки-медсестры буквально подкашиваются ноги. — И срочно найдите Аркадия Борисовича. Поднимите его хоть из-под земли, пусть берет бланки экстренного отстранения и бежит сюда.

Марк мгновенно переносит нашу войну в ту плоскость, где он обладает абсолютной властью. Он делает паузу, а потом медленно переводит темный взгляд обратно на меня.

— Я запускаю внутреннюю систему безопасности клиники. И требую прямо сейчас составить официальный акт о прямом конфликте интересов и нападении дежурного врача на пациентку.

Медсестра срывается с места, цокая каблуками по коридору. Лера на кровати тихо, показательно всхлипывает, утыкаясь в подушку.

И в этот момент Марк наклоняется ко мне. Даниил мгновенно напрягается, готовый снова перехватить его руку, но мой муж держит их на виду. Со стороны для зевак в коридоре это выглядит будто уставший начальник склоняется к неадекватной подчиненной, чтобы попытаться урезонить ее словами.

Но его губы оказываются в миллиметре от моего уха.

— Забудь навсегда про эту правду, — шепчет он.

В его голосе звучит холодный садистский расчет, от которого по коже бегут ледяные мурашки.

— Иначе, я сделаю так, что ты даже через стекло на этого ребенка не посмотришь. А будешь рыть про второго, и я лично позабочусь, чтобы тебя закрыли в клинике неврозов с тяжелым диагнозом. Тебя обколют галоперидолом так, что ты собственное имя забудешь.

Он отстраняется ровно в тот момент, когда в коридоре раздается тяжелый топот.

В ПИТ влетает запыхавшийся начмед Аркадий Борисович. На его лбу блестит испарина. В одной руке он сжимает наспех заполненный бланк, а за его спиной тяжело дышат два массивных бойца из службы безопасности клиники.

Марк молча кивает на меня, отступая к кровати Леры.

Начмед сглатывает. Он не просто сует мне бумажку. Повинуясь молчаливому приказу Марка, он поднимает лист и дрожащим, срывающимся голосом зачитывает его вслух — так, чтобы слышали все собравшиеся у дверей:

— По распоряжению главного врача… Рудневой Яне Андреевне временно запрещен доступ в отделение реанимации новорожденных и палату пациентки Селезневой… в связи с прямым конфликтом интересов и угрозой безопасности пациента.

Каждое слово воспринимается как болезненная пощечина.

Аркадий Борисович протягивает мне документ. Мои похолодевшие пальцы машинально берут этот лист и как только бумага оказывается в моих руках, Марк делает короткий жест охране.

Два дюжих бойца в черной форме молча делают шаг вперед. Они не трогают меня. Они просто встают плечом к плечу, физически заслоняя собой Леру.

Но черт бы с Лерой, мне на нее вообще плевать. Что гораздо страшнее, их тела наглухо перекрывают мне обзор на соседний кювез, где опутанная трубками, лежит моя Ева.

11. Приговор в синей папке

— Яна Андреевна, прошу вас, — охранник говорит вежливо, но его тяжелая ладонь бесцеремонно отталкивает меня от.

Я пытаюсь упереться, но они просто надвигаются на меня и выдавливают из ПИТа в коридор, как досадную помеху.

Стеклянные створки с тихим, издевательским шипением захлопываются прямо перед моим лицом.

Я бросаюсь к перегородке.

Прижимаюсь к холодному стеклу лбом, до рези в глазах силясь разглядеть хоть что-то за широкими черными спинами. Но они стоят плотной стеной, наглухо перекрывая мне обзор на соседний бокс, где прямо сейчас в кювезе лежит моя новорожденная дочь.

Грудь стягивает стальным обручем, воздух застревает в горле колючим комом.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки так сильно, что на языке мгновенно расплывается солоноватый вкус крови.

Только бы не закричать, только бы не сорваться на вой, колотя кулаками по этому проклятому стеклу, потому что Марк только этого и ждет.

Физическое бессилие выкручивает меня наизнанку.

Двери реанимации вдруг резко дергаются и разъезжаются в стороны. Один из охранников делает шаг назад, пропуская Даниила.

Северцев выходит в коридор, и створки снова смыкаются.

Он выглядит разбитым. На скулах ходят желваки, а в потемневших глазах плещется глухая, тяжелая злость.

Даниил молча перехватывает мое запястье и уводит меня прочь от поста охраны.

— Пойдем, не стоит тебе там находиться… – роняет он.

Северцев тащит по коридору и заталкивает в пустую сестринскую, с щелчком проворачивая замок.

Только здесь, в тишине, где нас никто не слышит, моя выдержка дает трещину.

— Они украли её у меня, — мой голос срывается на сиплый шепот. Я обхватываю себя руками за плечи, пытаясь унять колотящую меня крупную дрожь. — А теперь даже смотреть не дают...

Даниил хмурится, нависая надо мной.

— Украли? — переспрашивает он, и в его голосе проскальзывает непонимание.

Я поднимаю на него взгляд. Перед глазами всё плывет от непролитых слез, но я больше не могу и не хочу нести этот ад в одиночку.

— Помнишь... — я сглатываю жесткий ком. — Помнишь, ты спрашивал, почему я так смотрю на эту девочку?

Он коротко кивает, не сводя с меня пристального взгляда.

— Потому что это моя дочь.

Северцев замирает, его зрачки резко расширяются, и меня просто прорывает. Слова льются сплошным потоком. Я вываливаю на него всё: про фальшивую аварию в криохранилище, амбарную книгу, поддельную утилизацию и перенос моего эмбриона любовнице мужа.

Когда я замолкаю, глотая ртом воздух, в сестринской повисает мертвая тишина. На лице Даниила отражается шок.

Но этот шок длится ровно секунду. Даниил не просто врач, привыкший к чужой боли, а мужчина. Настоящий, в отличие от Марка.

Он делает резкий шаг ко мне и жестко, обеими руками берет меня за плечи.

— Значит, надо не смотреть на нее через стекло, Яна, — его голос вибрирует от скрытой ярости, но в нем столько непоколебимой уверенности, что мне вдруг становится легче дышать. — Надо биться за нее. Я не подпущу Марка к лечению этой девочки. Клянусь тебе. Я буду лично контролировать каждый миллиграмм лекарств и не отойду от кювеза. А ты... иди и устрой им юридический ад.

Эта фраза приводит меня в чувство лучше любой пощечины. Я судорожно киваю, вытирая влажные щеки тыльной стороной ладони.

Даниил прав. Слезами Марка не уничтожить.

Спустя десять минут я уже стою в кабинете главы юридического отдела клиники.

Игорь Вячеславович — скользкий тип, человек Марка до мозга костей — вальяжно откидывается на спинку кожаного кресла.

На его лице играет легкая, снисходительная полуулыбка, от которой у меня внутри всё сжимается в нехорошем предчувствии.

— Яна Андреевна, ну зачем же так нервничать? — тянет он, поигрывая дорогой ручкой. — Марк Эдуардович действовал строго в рамках закона, отстраняя вас от пациентки Селезневой.

— В рамках какого закона? — чеканю я, упираясь руками в его стол. Меня снова начинает трясти, но теперь от ледяного бешенства. — Требую показать мне основания! Я иду в суд!

— В суд? — юрист цинично хмыкает. Он открывает толстую синюю папку и медленно, наслаждаясь моментом, разворачивает ко мне первый лист. — Боюсь, суд вам не поможет. Взгляните.

Я опускаю глаза и от того что я вижу, меня буквально парализует:

«Добровольное согласие на передачу биологического материала в анонимную донорскую программу».

Все моментально отступает на второй план, уши будто закладывает ватой.

Мой взгляд лихорадочно скользит по строчкам.

Мое имя.

Мои паспортные данные.

И в самом низу, синими чернилами — моя подпись. Идеальная, с характерным росчерком, который непросто подделать.

— Это... это бред, — выдавливаю я, чувствуя, как немеют губы. — Я никогда в жизни...

Но юрист, не переставая улыбаться, кладет поверх согласия второй документ.

Это выписка из банка. Копия перевода на мой личный расчетный счет с датой пятилетней давности.

Там где сумма, официальное назначение платежа: «Компенсация за участие в программе донации биоматериала».

Пальцы сводит ледяной судорогой.

Я не могу отвести взгляд от этих цифр, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Мой мозг, отчаянно сопротивляясь этому безумию, вдруг выхватывает из прошлого крошечную, незначительную деталь.

Я помню этот перевод.

Помню, как звякнул телефон на прикроватной тумбочке, как Марк потянулся к нему, мягко улыбаясь: «Ян, я перевел тебе на карту деньги на обследование и криоконсервацию. Не трогай их, ладно? Я сам оплачу все счета клиники с твоего приложения, чтобы тебе не пришлось возиться с бумажками».

Он контролировал всё. Мои счета, мои пароли, каждый мой шаг.

Воздух внезапно становится густым, застревая в легких.

Он всё продумал еще тогда, пять лет назад!

Он не просто избавился от меня как от матери, он провел эти деньги через мой личный счет, чтобы навсегда отрезать мне пути к отступлению.

Меня трясет.

Я чувствую как на языке проступает мерзкий металлический привкус.

Я вспоминаю палату клиники пять лет назад. Белый потолок медленно плывет перед глазами, яне чувствую ни рук, ни ног от слабости, зато низ живота разрывает жуткая, тянущая боль после пункции и забора яйцеклеток.

Меня знобит, температура скачет, мысли вязнут в тяжелом, липком тумане от седации.

Кровать прогибается, Марк садится на край. Его лицо полно нежности и тревоги. Он бережно, почти благоговейно убирает прилипшую прядь с моего горячего лба, целует меня — так мягко, так любяще.

А потом вкладывает ручку в мои дрожащие, ватные пальцы и подсовывает папку с документами.

«Янусь…» — ласково шепчет он. — «Подпиши, родная. Это обычная выписка и согласие на хранение наших крошек. Простая формальность для регистратуры. Давай, маленькая, и тебе надо поспать…»

И я, сгорая от температуры и слепой, безграничной любви к своему мужу, ставлю подпись.

— Вы… вы чудовища, — выдыхаю я, с трудом фокусируя взгляд на юристе, сидящем напротив. Мой голос дрожит, но не от слез, а от первобытной ненависти. — Вы воспользовались моим состоянием! Он подсунул мне это, когда я отходила от наркоза! Это подлог!

Игорь Вячеславович даже не морщится. Он медленно закрывает синюю папку, вальяжно откидывается в своем роскошном кресле и смотрит на меня с абсолютным равнодушием.

— Если этот документ подлинный, Яна Андреевна, — его голос звучит сухо, — А он подлинный… то ребёнок Селезнёвой не ваш.

Я делаю судорожный вдох, впиваясь ногтями в край его стола, но юрист безжалостно добивает:

— Пять лет назад вы не просто отказались от родительских притязаний. По закону вы всего лишь анонимный донор биоматериала, добровольно получивший за это финансовую компенсацию. Юридически, эта девочка вам никто.

12. Красный маркер

Слова юриста все еще отдаются в голове, пока я сбегаю по служебной лестнице на цокольный этаж. Где-то должна остаться моя медицинская карта.

Я влетаю в архив анестезиологии, и тяжелая металлическая дверь с глухим стуком отрезает меня от внешнего мира.

Здесь пахнет сыростью и старой бумагой. В полумраке, под тусклым светом единственной лампочки, я бросаюсь к дальним стеллажам.

Тяну на себя тяжелую картонную коробку с верхней полки. Густая пыль летит прямо в лицо, оседает на губах, скрипит на зубах, но я не замечаю ее.

Я судорожно перебираю пожелтевшие папки.

Пять лет назад.

Нужный месяц.

Нужное число.

Острый край картона глубоко распарывает кожу, но я лишь глухо шиплю, оставляя смазанный кровавый след на корешке, и ищу дальше.

Вот она, моя фамилия.

Мой номер карты.

Я срываю завязки, распахиваю обложку и замираю.

Потому что там пустота.

Я смотрю на неровные клочья бумаги у самого корешка. Страницы вырваны с корнем. Кто-то вырвал их грубо, с силой, явно торопясь уничтожить улики.

Воздух внезапно становится густым и тяжелым.

Марк не просто так угрожал мне наверху, он уже здесь был и он уже зачистил следы. Я физически ощущаю, как стены тесного архива сдвигаются, а петля на моей шее затягивается еще сильнее.

В коридоре раздаются торопливые шаги.

Я вздрагиваю, роняю пустую папку на пол и вжимаюсь спиной в холодный металлический стеллаж, до боли закусив губу.

Если это охрана, всё кончено.

Дверь жалобно скрипит.

— Яна? — доносится сдавленный, дрожащий шепот.

Я выглядываю из-за полок и шумно выдыхаю. Алина.

Она проскальзывает внутрь, бледная как мел, загнанно оглядывается в темный коридор и наваливается на дверь, закрывая замок.

Она прижимает к груди огромный, массивный журнал в твердом переплете.

— Вот, — выдыхает Алина, бросаясь к шаткому столику в центре комнаты. — Едва вытащила из сейфа, пока старшая отвернулась.

Я подлетаю к ней. Журнал учета сильнодействующих препаратов.

Толстый, прошитый насквозь суровыми нитями, с бумажной пломбой и печатью клиники на задней обложке.

Мы склоняемся над пожелтевшими страницами. Я лихорадочно листаю тяжелые листы, пока не нахожу нужную дату.

Время минута в минуту совпадает с тем моментом, когда Марк подсунул мне планшет с «выпиской». Я веду взглядом дальше по колонке. Пропофол. Фентанил. Дозировка колоссальная.

Явное, я бы даже сказала, неопровержимое доказательство того, что в тот момент я физически не могла ничего осознавать, не то что давать добровольное согласие на что-либо!

Это мое алиби.

Я хватаю край страницы, готовясь вырвать этот лист прямо сейчас.

— С ума сошла?! — Алина с силой перехватывает мое запястье. Ее глаза расширяются от неподдельного ужаса. — Нельзя!

Она с силой отталкивает мою руку от журнала и указывает на прошитый корешок.

— Журнал прошнурован и пронумерован! На обороте печать и подпись главврача! Если найдут вырванную страницу — это уголовное дело на все отделение! Приедет наркоконтроль!

Ее паника приводит меня в чувство.

Я отшатываюсь и трясущимися руками достаю телефон и делаю несколько снимков. Вспышка на мгновение ослепляет нас обеих.

Я смотрю на экран, на четкие строчки дозировок, но не чувствую торжества. Вместо него на меня накатывает удушливая волна отчаяния.

Эта фотография даже не улика. Любой адвокат разнесет их в суде за пять минут, заявив, что это фотошоп от «обиженной жены».

Чтобы этот журнал стал официальным доказательством, его должны изъять по запросу суда. Или по официальному запросу главного врача.

То есть, Марка.

Я медленно опускаю телефон. Смотрю на прошитый суровыми нитками корешок, и понимаю, что доказательство прямо здесь, под моими руками, вот только я не могу его использовать…

Я с трудом отрываю взгляд от прошитого корешка журнала. От неопровержимого доказательства, которое прямо сейчас для меня абсолютно бесполезно.

— Уноси, — хриплю я, отстраняясь от шаткого столика. — Прячь обратно в сейф, пока старшая не хватилась.

Алина судорожно кивает, прижимает тяжелую книгу к груди и, приоткрыв металлическую дверь архива, выскальзывает в коридор. Я выжидаю минуту, вслушиваясь в тишину.

Убедившись, что снаружи никого нет, я тоже выхожу из архива на цокольный этаж.

Прислоняюсь разгоряченным лбом к крашеной стене, пытаясь собрать разбредающиеся мысли, когда в кармане коротко вибрирует телефон.

Сообщение от Даниила. Всего одно предложение: «Жду тебя в ординаторской на третьем этаже, сейчас».

Я срываюсь с места. Толкаю тяжелую дверь запасной лестницы и бегу вверх по бетонным ступеням — атк быстрее, чем ждать лифт.

Легкие горят, кроссовки пружинят. Второй этаж, третий. Быстро иду вдоль белых стен, толкаю дверь ординаторской и буквально вваливаюсь внутрь.

Даниил стоит у окна.

— Состояние девочки нестабильно, — чеканит он, едва я успеваю сделать вдох. Его тон сугубо профессиональный, но я вижу, как напряжены его плечи. — У нее нетипичная реакция на стандартные препараты жизнеобеспечения.

Я замираю, вцепившись в спинку ближайшего стула. Страх за дочь мгновенно перекрывает всё остальное.

— Что с ней? Даниил, что...

— Послушай меня, Яна, — он делает шаг навстречу и смотрит мне прямо в глаза, — Как ее лечащий неонатолог, при такой клинической картине я обязан назначить расширенный генетический скрининг и полный анализ на тканевую совместимость. Это строгий медицинский протокол. Мне нужно исключить врожденные патологии, чтобы скорректировать терапию.

До меня не сразу доходит смысл его слов.

Генетический скрининг. Тканевая совместимость...

И тут в голове вспыхивает озарение.

Скрининг! Точно!

Чтобы лечить Еву, Даниил обязан взять ее ДНК. И как только этот образец пройдет через лабораторию, генетический паспорт моей девочки будет официально зафиксирован в электронной базе клиники!

Медицинская необходимость, подкрепленная угрозой жизни пациента, бьет любые юридические запреты Марка. Мой муж может отстранить меня, но он не может запретить неонатологу спасать ребенка.

Дышать вдруг становится поразительно легко. Тяжелая удавка сжимавшая мое горло, немного слабеет.

Это не просто шанс, это наш козырь, против которого бессильны любые поддельные юристов.

Я порывисто подхожу к столу, чувствуя, как в кровь вбрасывается мощный заряд адреналина.

— Делай, — выдыхаю я, не в силах сдержать лихорадочной, нервной улыбки. — Оформляй направление прямо сейчас.

Даниил садится за компьютер.

Я встаю у него за спиной, опираясь ладонями на спинку его кресла. Клавиатура сухо щелкает под его пальцами. Он открывает базу клиники, вбивает номер карты Евы.

На экране высвечивается ее профайл.

Северцев быстро заполняет электронную форму. Ставит галочки напротив полного секвенирования генома, выбирает срочный приоритет.

Я не отрываю взгляда от монитора.

Вот она, наша лазейка.

Даниил наводит курсор на кнопку «Отправить».

— Готово, — тихо говорит он и нажимает на мышку.

Экран подвисает на долю секунды.

Я жду привычной зеленой галочки, подтверждающей регистрацию, но вместо нее монитор высвечивает… отказ?

Я щурюсь, вчитываясь в мелкий текст, и чувствую, как кровь мгновенно отливает от лица.

«ОШИБКА. Биологический образец пациента Рудневой Е.М. для генетического скрининга уже изъят и направлен во внешнюю лабораторию уполномоченным лицом. Доступ к повторному забору биоматериала заблокирован».

13. Последняя улика

Даниил бьет кулаком по столешнице с такой силой, что подпрыгивает пластиковая подставка с ручками.

Северцев резким, хищным движением срывает трубку стационарного телефона и вбивает внутренний номер лаборатории.

— Кто дал позволил изъятие биоматериала из моей реанимации?! — рычит он

Его голос буквально вибрирует от клокочущей ярости.

В трубке что-то испуганно лепечут.

Желваки на скулах Даниила перекатываются, проступая под кожей.

— Руднев — главврач, а не лечащий врач пациента! — чеканит Северцев, и в его голосе слышится сталь. — Вы отдали образец без моей подписи? Никуда не уходите!

Он с грохотом швыряет трубку на базу и поворачивается ко мне.

В этот момент в нем нет абсолютно ничего от сдержанного, спокойного доктора. Передо мной стоит мужчина, готовый голыми руками рвать любого за тех, кто находится под его защитой. Особенно, за крошечную девочку в кювезе.

— Идем, — бросает он.

Даниил стремительно выходит из ординаторской, я бросаюсь за ним.

Быстрым шагом мы пролетаем по коридору третьего этажа, заставляя встречных медсестер испуганно жаться к стенам.

Даниил распахивает тяжелую дверь на лестничную клетку, и мы сбегаем на первый этаж, перепрыгивая через ступеньки.

Я едва поспеваю за его широким шагом, задыхаясь то ли от бега, то ли от давящего предчувствия надвигающейся катастрофы.

Мы врываемся в блок лабораторной диагностики.

Стеклянная дверь с лязгом бьет по ограничителю.

За стойкой выдачи результатов замирает сотрудница. Увидев искаженное гневом лицо Северцева, она бледнеет так стремительно, что мне кажется она сейчас упадет в обморок.

Пластиковый штатив с пробирками выпадает из ее дрожащих рук и с сухим стуком валится на стол.

— Где образец Рудневой? — нависая над стойкой, низко и раздельно произносит Даниил.

Лаборантка вжимает голову в плечи.

Она лихорадочно комкает края своего медицинского халата и отводит глаза. Она прекрасно понимает, что натворила. Выдача биоматериала младенца без санкции неонатолога это прямое должностное преступление.

— Даниил Александрович... — блеет она, пятясь к гудящим центрифугам. — Я... Марк Эдуардович лично позвонил... Сказал, что это распоряжение руководства...

— Марк Эдуардович не имеет права распоряжаться кровью моего пациента! — рявкает Северцев, припечатывая раскрытую ладонь к столешнице. — Кому вы его отдали?!

— К-курьеру! — девчонка тихо всхлипывает, судорожно хватая со стола какую-то папку и выставляя ее перед собой, как спасительный щит. — У него была официальная доверенность на транспортировку! Со всеми печатями! Я не могла отказать!

Даниил безжалостно выхватывает бумагу из ее трясущихся рук.

Я встаю рядом, заглядывая через его напряженное плечо. В нос бьет резкий запах спирта и реактивов, но меня начинает мутить совершенно от другого.

Мой взгляд скользит по строчкам официального бланка и впивается в жирную синюю печать в самом низу документа.

Частный медицинский центр и Благотворительный фонд «Право на счастье».

А рядом, поверх штампа, стоит размашистая, властная подпись и расшифровка, от которой грудь сводит болезненным спазмом.

Учредитель — Селезнев Виктор Анатольевич.

Буквы расплываются перед глазами, в ушах звучит тонкий противный звон. Кажется, понемногу разрозненный пазл начинает складываться.

Так вот почему эта девчонка так билась в истерике на больничной койке, едва не порвав себе швы. Она до одури боялась человека, которому здесь все принадлежит.

Даниил с силой сминает край доверенности.

Единственное, что непонятно… зачем им понадобились именно мои эмбрионы?

Это же нелогично!

— Селезнев — это не просто богатый спонсор с чековой книжкой, — глухо произносит Северцев, — Это человек, который годами скупает частные перинатальные центры, хранилища биоматериалов и благотворительные фонды. Он владеет самой системой.

Даниил брезгливо швыряет смятый документ обратно на стойку. Лаборантка вздрагивает и вжимается в стену.

— Уходим, — бросает он.

Северцев берет меня за локоть и уводит из пропахшей реактивами лаборатории. Мы выходим в светлый безлюдный коридор первого этажа, и тяжелые стеклянные двери с глухим стуком отрезают нас от блока диагностики.

Я прислоняюсь спиной к прохладной стене, ощущая, как пол уходит у меня из-под ног.

— Даниил... — мой голос дрожит. — Что теперь будет?

Северцев останавливается напротив и смотрит на меня с прямотой хирурга, озвучивающего смертельный диагноз.

— Если образец уже у Селезнева в его частном центре, — чеканит Даниил, — они сделают так, что по всем официальным бумагам ДНК Леры и Евы совпадет на 99,9 процента и юридически ты никогда не докажешь, что это твоя дочь.

Легкие снова сводит спазмом.

Документы на донорство подделаны. ДНК-тест сейчас подделают тоже. Они везде перестраховались.

Но у меня остался последний козырь.

Нина Петровна. Женщина, которая может подтвердить всю цепочку подлога в суде.

Мои руки трясутся так сильно, что я не с первого раза попадаю пальцем по экрану смартфона. Я судорожно листаю контакты, находя нужный номер.

— Мне нужно позвонить Нине Петровне, она единственный мой свидетель, — задыхаясь, говорю я Даниилу.

Я нажимаю на вызов и подношу телефон к уху.

Один гудок. Второй.

Короткие гудки, она сбросила.

Я сглатываю сухой ком в горле и уже собираюсь нажать на повторный набор, когда дисплей вспыхивает и Нина Петровна присылает аудиосообщение.

Меня накрывает предчувствие неумолимой беды, в груди всё обрывается.

Я нажимаю на «Play» и тут же включаю громкую связь, чтобы слышал Даниил.

В пустом коридоре клиники звук кажется оглушительным.

— Яна Андреевна... — голос Нины прерывистый, панический, — Простите меня... Но я не могу больше с вами говорить… Они пригрозили мне здоровьем сына, если я буду вам помогать…

Раздается сдавленный всхлип, шорох одежды, и сообщение заканчивается.

14. Новые обстоятельства

Экран гаснет. Я медленно опускаю руку с телефоном. В пустом коридоре клиники повисает звенящая тишина, которую нарушает только мое собственное рваное дыхание.

Даниил стоит рядом, хмуро глядя на мой потемневший дисплей.

— Денис, — хрипло выдыхаю я, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

В голове вспыхивает воспоминание полугодовой давности. Нина тогда рыдала прямо в сестринской. Ее сын, Денис, влез в огромные долги: то ли микрозаймы, то ли ставки.

К ней на работу даже заявлялись коллекторы, мы всем отделением собирали ей деньги на первый взнос, чтобы от нее просто отстали.

Я быстро разблокирую телефон. С трудом попадая по нужным буквам, открываю браузер и вбиваю в поиск сайт базы судебных приставов.

Ввожу данные Дениса (я сама переводила деньги по его реквизитам, они сохранились в истории банка), сайт грузится пару долгих секунд и…

Исполнительное производство закрыто.

Причем, буквально на днях.

Я щурюсь, вчитываясь в мелкий канцелярский шрифт. Долг выкуплен по договору цессии, а правопреемник некое ООО «Авангард-Консалтинг».

Я копирую название конторы, открываю новую вкладку и перехожу на первый же сайт проверки контрагентов. Скольжу взглядом по строчкам: уставной капитал, юридический адрес... учредители…

И тут меня словно окатывает ледяной водой. Дыхание перехватывает так резко, что я начинаю задыхаться.

Учредитель этой конторы благотворительный фонд «Право на счастье». Тот самый фонд Виктора Селезнева.

Я молча разворачиваю экран к Даниилу. Он быстро пробегает взглядом по строчкам, и его челюсти жестко сжимаются.

Я физически ощущаю масштаб этой паутины. Каждый человек в этой клинике, от дежурной медсестры до лаборантки может быть куплен или запуган.

Меня накрывает удушливое чувство, будто против нас с Даниилом работает вся система целиком.

В этот момент в кармане Северцева звонит телефон.

Он достает его, бросает взгляд на экран, и его лицо мгновенно каменеет.

— Экстренный вызов в ПИТ. Резкое падение сатурации у недоношенного в третьем боксе, — бросает он, уже поворачиваясь в сторону дверей. — Яна, иди в мою ординаторскую. Закройся изнутри и жди меня. Ни с кем не разговаривай.

Я киваю. Даниил срывается с места и стремительным шагом скрывается за поворотом.

Я остаюсь одна.

С трудом отлепляюсь от стены и иду по коридору к лестнице, чтобы подняться на третий этаж. Ноги кажутся налитыми свинцом, в голове шумит.

Я толкаю тяжелую дверь на лестничную клетку, делаю шаг на пролет...

И резко останавливаюсь.

У панорамного окна, небрежно прислонившись плечом к раме, стоит Марк.

В отличие от реанимации, когда он был багровой ярости, теперь он выглядит безупречно. От него едва уловимо пахнет дорогим древесным парфюмом — привычный запах, от которого меня сейчас мгновенно начинает тошнить.

Я инстинктивно делаю шаг назад, ища рукой дверную ручку, но Марк плавно отрывается от подоконника и делает пару неспешных шагов навстречу.

— Забудь про те старые бумаги, которые я тебе приносил, Яна, — его голос звучит пугающе ровно и деловито.

Марк достает из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое плотный лист и кладет его прямо на широкий подоконник. Сверху с тихим звоном падают знакомые ключи с брелоком от нашей квартиры.

— У меня есть новое предложение, — он смотрит на меня с холодным расчетом, — Мы разводимся тихо, квартира полностью остается тебе, я даю шикарные рекомендации. Такие , что тебя с руками оторвут в любой элитной клинике Питера или Москвы. Ты уезжаешь и начинаешь новую жизнь, отдыхаешь, восстанавливаешь нервы.

Я смотрю на ключи, потом на его расслабленное лицо, и в ушах начинает звенеть от чудовищной дикости происходящего.

— А взамен... — Марк чуть склоняет голову. — Ты подписываешь NDA. Соглашение о полном неразглашении. А я прослежу, чтобы Еве и ее ребенку обеспечили лучший уход.

Меня прошивает разрядом тока.

Он не просто предлагает мне сделку, а глядя мне в глаза пытается купить мою дочь!

Я смотрю на ключи, небрежно брошенные на подоконник и чувствую как бурлящая, ярость внутри меня вдруг замерзает, превращаясь в лед.

Я медленно поднимаю взгляд и смотрю прямо ему в глаза.

— А второй ребенок? — ровно и холодно спрашиваю я, — Что ты сделал со вторым, Марк?

Удар попадает точно в цель.

На какую-то жалкую долю секунды идеальная маска Марка трещит по швам. Его лицо искажается, он судорожно сглатывает (я отчетливо вижу, как дергается его кадык), а в расширившихся зрачках мелькает страх.

— Забудь про второго, — выплевывает он, отшатываясь от меня, и я чувствую как в этой фразу прорывается настоящая паника. — Ты даже первого не удержишь!

Он круто разворачивается, едва не оступившись на ступеньке, и быстро, почти бегом спускается вниз. Тяжелая дверь с грохотом захлопывается за его спиной.

Я остаюсь одна.

Прижимаюсь спиной к холодной стене и делаю глубокий вдох.

Я даже не знаю что случилос со вторым эмбрионом, где он сейчас, но понимаю, что Марк до дрожи боится, что я найду его.

Я отталкиваюсь от стены. Колени слегка дрожат от пережитого адреналина, но я заставляю подняться на третий этаж, открывать дверь в неонатальное отделение и дойти до кабинета Даниила.

Выдохнув, я захожу в ординаторскую, как он и велел, и с глухим щелчком поворачиваю замок изнутри.

Сажусь на узкий диван, подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками.

Время тянется невыносимо медленно. Серые сумерки за окном постепенно сгущаются, превращаясь в плотный, темный вечер. В кабинете становится зябко.

Внезапно в кармане резко вибрирует телефон.

Я вздрагиваю от неожиданности. Достаю смартфон: на почту пришло письмо с пометкой «Высокая важность».

Отправитель: Этическая комиссия клиники.

Я открываю сообщение, и по спине мгновенно расползается липкий холод.

Это официальное уведомление. Против меня подана жалоба в этическую комиссию: «Попытка незаконного доступа к ребенку пациентки Селезневой», «Оказание психологического давления на свидетелей и персонал клиники».

Но это еще не все. Самое страшное в прикрепленных файлах.

Там видео. И еще до того как нажать на кнопку воспроизведения, я уже подсознательно догадываюсь что я там увижу.

На экране запускается запись с камеры видеонаблюдения из бокса Леры. Картинка идеальная, цветная, четкая. Я вижу себя, стоящую возле Леры, вижу ее, которая плачет и съеживается, защищая живот, как просит помощи у Марка.

Но все подчищено.

Тут нет ничего из тех грязных провокаций, которыми бросался муж. Зато есть момент, когда я отвечаю ему:

— Ты можешь выставить меня сумасшедшей перед всем персоналом, но ты не сможешь скрыть от меня правду. Я знаю всё. И я найду второго ребенка, Марк.

После этого видео обрывается.

Я сижу в кромешной темноте, не в силах оторвать взгляд от потухшего экрана.

Меня трясет от возмущения и ужаса. Никто в клинике, кроме Даниила не знает правду про ЭКО, про подмену и украденные эмбрионы.

Для любой комиссии, судьи или следователя на этом видео записана сошедшая с ума женщина в состоянии острого психоза, которая требует вернуть ей несуществующего ребенка.

15. Первая победа

Я с трудом разлепляю глаза и некоторое время просто буравлю взглядом белый потолок.

Я так и не поехала домой. Всю ночь я пролежала на узком диване в своем кабинете, бездумно глядя в одну точку.

Голова гудит, словно чугунный колокол, а глаза щиплет от бессонницы и слез.

Резкий звонок внутреннего телефона разрезает утреннюю тишину, заставляя меня вздрогнуть.

Я подхожу к аппарату, снимаю трубку.

— Яна Андреевна, — звучит сухой, безжизненный голос секретарши. — Вас ждут в конференц-зале на первом этаже. Этическая комиссия уже собралась.

Я кладу трубку на базу.

Поправляю помятый медицинский халат, вдыхаю спертый воздух кабинета и выхожу в коридор. Спускаюсь по лестнице на первый этаж, машинально отсчитывая ступеньки, чтобы хоть как-то унять колотящееся в горле сердце.

Толкаю тяжелую дверь конференц-зала и переступаю порог.

После полумрака моего кабинета здесь невыносимо ярко. Холодный белый свет люминесцентных ламп безжалостно бьет по глазам.

Посреди зала тянется длинный полированный стол. За ним сидят начмед Аркадий Борисович, скользкий юрист Игорь Вячеславович и еще пара старших врачей из других отделений.

Но мой взгляд мгновенно приковывает огромная плазменная панель на стене.

Там, на большом экране прямо сейчас крутится видео. Та самая запись которую я видела вчера. С цирковым исполнением в лице Леры.

Без звука это выглядит по-настоящему жутко.

Я замираю у дверей.

Физически, каждой клеткой кожи ощущаю на себе их взгляды. На меня сейчас смотрят не как на блестящего специалиста, с которым работали бок о бок много лет, а как на сумасшедшую. В глазах коллег смесь из прозительной жалости и откровенной опаски.

Во главе стола сидит Марк. И когда я вхожу, он тяжело вздыхает и устало трет переносицу пальцами, играя смертельно уставшего любящего человека, на чьи плечи легла непосильная ноша.

— Я правда люблю свою жену, — голос Марка звучит негромко, надломлено и пропитан такой неподдельной болью, что у меня перехватывает дыхание.

Он обводит комиссию тяжелым взглядом и показывает на меня.

— Она потрясающий врач. Один из лучших в клинике. Но... она не справилась с горем.

Он делает паузу и на зал опускается гробовая тишина.

— Потеря наших детей сломала ее, — с горечью продолжает мой муж, глядя на меня. — Вы сами всё видите на записи. У нее тяжелый нервный срыв. Психоз, при котором она теряет связь с реальностью и требует вернуть ей несуществующих детей. Я не требую для нее никакого наказания. Я умоляю комиссию о другом. Дайте ей принудительный академический отпуск. Ради нее самой. И... ради безопасности наших пациентов.

Меня обдает ледяным ужасом.

Это страшнее любых его криков и угроз. Прямо сейчас, на моих глазах, он методично убивает мою репутацию и мою карьеру под видом простой заботы.

Грудь разрывает от дикого желания прямо сейчас сорваться с места, броситься к нему и вцепиться пальцами в его идеальный воротник. Заорать во всё горло, что он лжец и мерзавец, который неизвестно кому продал наших детей, но…

Я молчу, потому что понимаю: любой мой протест, хотьмалейшая попытка повысить голос станут последним гвоздем в крышку моего гроба. ВСе это только подтвердит его слова о моей неадекватности.

А потому, я заставляю себя медленно дышать.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти глубоко пробивают кожу на ладонях. Ох как мне хочется прямо сейчас плюнуть в его насквозь фальшивую физиономию, накричать на всех этих людей, которые поверили в его гнусную ложь, но тогда я навсегда потеряю даже самую крохотную возможность вернуть своих детей.

Двери конференц-зала резко распахиваются и на пороге появляется Даниил.

Он в рабочем хирургическом костюме, собранный, напряженный. Северцев неспешно, но уверенно подходит к длинному полированному столу, и кидает на Марка взгляд, полный презрения.

— Яна Андреевна действовала в строгом соответствии с медицинским протоколом, — голос Даниила звучит жестко, без единой эмоции, отрезая лирику моего мужа. — Она предотвратила угрозу разрыва матки. Она спасла пациентку. А скачок давления спровоцирован исключительно истерикой самой Селезневой и грубым нарушением санитарного режима со стороны Марка.

Даниил опирается руками о край стола, нависая над комиссией. Он защищает меня, но начмед Аркадий Борисович лишь промокает блестящий от пота лоб платком и бросает быстрый взгляд на Марка.

— Даниил Александрович, — председатель комиссии прокашливается, и его тон становится угрожающим. — Если вы продолжите покрывать неадекватное поведение Яны Андреевны и лезть в чужой семейный конфликт, мы будем вынуждены применить крайние меры. Мы можем отстранить вас от лечения недоношенной Селезневой и передадим девочку другому специалисту.

Эти слова бьют меня прямо под дых.

Легкие мгновенно сжимает спазмом.

Я вижу, как каменеет спина Даниила. Он набирает в грудь воздух, готовый пойти на открытый конфликт с руководством, готовый рискнуть своей карьерой ради справедливости, но я понимаю настоящую цель этого представления.

Это не просто угроза. Если я не вмешаюсь, если Даниил решит бороться за меня, они уберут его из реанимации и тогда моя Ева останется абсолютно беззащитной. Я потеряю последний мостик, который еще связывает меня с ней.

Нет… я просто не имею права рисковать дочерью, даже когда на кону стоит моя гордость.

А потому, я делаю судорожный вдох и отвечаю:

— Я полностью признаю вину.

Но говоря я это с поднятой головой и горящим от ненависти взглядом, чтобы они даже не смели допускать мысль, будто победили.

Даниил резко оборачивается ко мне. В его взгляде мелькает непонимание, которое тут же сменяется тяжелым осознанием.

Он читает по моему лицу настоящую причину моего решения. Все, лишь бы он остался стоять у кювеза моей девочки.

Я выхожу из конференц-зала совершенно опустошенная.

Иду по длинному, гулкому коридору клиники в сторону раздевалки. В ушах всё еще звенит от фальшивого сочувствия коллег, а ноги передвигаются чисто механически. Внутри выжженная пустыня.

Сворачиваю за угол и вдруг кто-то резко хватает меня за локоть.

Я вздрагиваю, едва не вскрикнув, но меня тут же крепко обнимают. Алина. Медсестра прижимается ко мне, делая вид, что сочувственно хлопает по спине и поправляет сбившийся воротник моего халата.

— Держись, Яна, — произносит она громко, а затем наклоняется к самому моему уху и лихорадочно шепчет: — Я успела. Я кое-что достала для тебя из-под учетки Марка, пока айтишники всё не снесли по его приказу.

Я замираю, не понимая о чем она говорит.

Алина отстраняется, и в этот момент я чувствую, как она быстрым движением сует мне прямо в карман халата что-то твердое и прямоугольное.

— Это запись с камеры в коридоре у ПИТа, — одними губами добавляет она, разворачивается и быстро уходит по коридору, цокая каблуками.

Я опускаю руку в карман, там лежит флешка.

Я сглатываю подступивший к горлу ком. Впервые за весь этот кошмар у меня в руках реальное оружие против Марка.

Я быстро переодеваюсь в раздевалке, бросаю халат в шкафчик и выхожу из клиники на серую, промозглую улицу. Вызываю такси в приложении, сажусь и машина везет меня через половину города.

Я смотрю в окно на мелькающие фасады зданий, крепко сжимая флешку в кармане куртки, чтобы убедиться: мне не показалось, она действительно у меня.

Такси тормозит у моего дома. Я поднимаюсь на свой этаж и достаю те самые ключи с брелоком, которые Марк бросил мне на подоконник, проворачиваю замок.

Квартира встречает меня холодом и звенящей пустотой.

Я даже не снимаю куртку и обувь, прямо в кроссовках прохожу в гостиную, сажусь за стол и откидываю крышку ноутбука. Вставляю флешку, экран вспыхивает, пальцы слегка дрожат, когда я кликаю по иконке съемного диска.

Открывается корневая папка.

Я запускаю видеофайл в ней и с шумом выдыхаю. Алина не обманула, на записи с коридорной камеры идеально видно всё. Видно, как Марк первым грубо толкает меня. Видно, как Лера сама устраивает цирк, в то время как я и не думала провоцировать скандал. Я даже пальцем ее не касаюсь.

Это победа.

Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя небывалое облегчение. У меня наконец-то есть доказательство.

Я тянусь к тачпаду, чтобы закрыть окно, как вдруг мой взгляд цепляется за нижнюю строчку в открытой папке.

Видеофайл там не один.

Прямо под ним висит второй файл в формате PDF.

Я читаю его название, и кровь мгновенно леденеет в венах. Сердце делает кульбит и срывается в бешеный, болезненный ритм. В ушах начинает нарастать тяжелый, гудящий шум, перекрывая даже гудение кулера в ноутбуке.

На белом фоне экрана черным шрифтом написано: «Селезнёва Л.В. — протокол переноса №2»

Дата переноса: четыре года назад.

Исход беременности: живорождение.

Пол ребёнка: мужской.

В горле моментально возникает огромный ком, а перед глазами все плывет. Я чувствую нарастающий шум собственной крови в ушах.

Выходит… у меня где-то растёт сын, которому уже целых четыре года…

А Марк все эти годы знал, что он жив и скрывал это от меня!

***

Дорогие читатели!

Обратите внимание на другую книгу нашего моба: Саша Грин "Развод. Потому что простила"

Распахиваю дверь в нашу спальню. И замираю от того, что вижу.

В нашей супружеской кровати лежит мой муж Игорь. А рядом с ним женщина в моем халате. Она видит меня и деловито кладет ногу на ногу, обнимает моего мужа и смотрит с победной ухмылкой.

Две пары бесстыжих глаз уставились на меня.

- Лера… - вальяжно начинает Игорь.

- Не надо лишних слов, Игорь! - перебиваю я.

Удивительно, но я не кричу и даже не бросаюсь на любовницу.

Хотя у меня дикое желание сделать именно это -вцепиться ей в волосы, запустить чем-то тяжелым.

-Хорошо, начну с главного. Да, я тебе изменяю. - И знаешь что? - продолжает Игорь. - Если бы ты не была такой фригидной, мне бы не пришлось искать разнообразия.

Игорь прижимает к себе женщину, которая пробралась в нашу кровать.

- Ты мне изменяешь? -спрашиваю зачем-то, хотя все и так понятно.

- Изменяю - громко сказано. У мужчин есть особые потребности.

- Девять лет брака…

- Вот именно, - перебивает он. - Девять лет. А ты всё такая же.

Я чувствую, как холодеют руки.

- Какая?

Он пожимает плечами.

- Скучная и ровная, как бревно!

16. Исход беременности

Я перечитываю последние строки ещё раз.

Дата переноса — четыре года назад.

Исход беременности — живорождение.

Пол ребёнка — мужской.

На четвёртый раз буквы всё равно не меняются.

Я отодвигаюсь от ноутбука и упираюсь ладонями в край стола. Под курткой становится душно, хотя в квартире холодно. Из кухни доносится мерное капание воды, за окном шуршат по мокрому асфальту машины, а я сижу посреди своей гостиной и пытаюсь осознать одну простую вещь.

У меня есть сын.

Ему уже четыре года.

Он не исчез вместе с нашими эмбрионами. Не погиб в аварии, о которой Марк рассказывал мне, держа за руку. Он родился, научился ходить, говорить, смеяться. Возможно, уже умеет считать до ста, спорит из-за одежды и отказывается есть суп.

А я даже имени его не знаю.

К горлу снова подступает тошнота. Я снимаю куртк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.